

ТЁМНОЕ СЕРДЦЕ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Андрей Заборовский

Тёмное Сердце

«Автор»

2026

Заборовский А.

Тёмное Сердце / А. Заборовский — «Автор», 2026

Он просто хотел лучшей жизни — и потому шагнул в дорогу, не зная, что этот шаг уже записан в чужих планах. Вместо тихой тропы он попал в клубок сил, сплетавшихся веками, и теперь стоит в самом сердце катастрофы, способной стереть не один мир, а саму ткань реальностей. Ответственность ложится на плечи тяжёлым, почти осязаемым грузом — таким, что даже дышать становится труднее. А в груди тем временем растёт тьма: она не пожирает его разом, а тянется тонкими нитями от каждого доброго намерения, будто само желание сделать правильно в этом искажённом мире становится ядом. Он видел, как рушатся законы бытия, и понял главное: чтобы те, кто ему дорог, могли хоть немного побыть счастливыми, он готов позволить тьме стать своей кожей.

© Заборовский А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Том1. Глава 1. «От рутины в неизвестность»	5
Глава 2. «Точка невозврата.»	8
Глава 3. «Во Тьме.»	12
Глава 4. «Перерождение»	18
Глава 5. «Тяжесть обучения.»	25
Глава 6. «Финальный экзамен.»	34
Глава 7. «Сквозь вселенную, к судьбе.»	42
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Андрей Заборовский

Тёмное Сердце

Том1. Глава 1. «От рутины в неизвестность»

Шагая по пшеничному полю, и наблюдая за чистым синим небом, чувствую покой.
То чего в моей жизни, так преступно мало...

Чувствуя шелест колосьев кончиками пальцев, и дуновение ветерка, что развевал мои темно-русые волосы, моё сердце бьётся в унисон моей душе.

Вдалеке виднеется простой деревянный домик, из дымовой трубы которой, слегка идёт дым. Но даже отсюда, я уже чувствую его уют.

Но стоит лишь мне приблизиться, картина счастья начинает таять, как от начавшегося дождя. Капли которого упали на свежий холст.

Это не мой мир.

Я просыпаюсь в горячем поту. Пот липнет к спине, простыни сбились в жёсткий комок у ног. Жар давил на меня, сковывал. Но я потянулся к своим очкам.

Будильник предательски пробил полночь. Отдаваясь металлическим звонок в ухе.

Что означает для меня, точку невозврата.

Повернул голову к включенному монитору, свет которого слепил даже так.

Пауза на очередном аниме, мирам которые завораживали меня, и пьянили сильнее любого алкоголя.

«Копиум» — так это называют. Уход от реальности в сладкие грёзы. Но блин, они такие прекрасные.

Но я знал, и отчаянно пытался принять правду. Что стоит жить реальностью, а не жить грезами.

Вдохнув, поставив тяжёлые больные ноги на слегка холодный линолеум, я уставился в стену. Увешанную картинами с японскими храмами и самурайскими мечами, а также постерами из моих любимых игровых миров.

В этот момент одна часть меня кричала: Не надо! Оно того не стоит! Ты наживешь себе проблем! У тебя ничего не выйдет.

Но сердце сжалось. Будто крича: *Решайся!*

И я сделал свой ход. Зная, что если не сделаю ничего сейчас, буду жалеть об этом остаток всей своей жизни.

Потянувшись к столу, я достал пачку сигарет и закурил, стряхивая пепел в старую банку из-под икры. Дым наполнил лёгкие, шум в голове медленно стихал. Я глухо, хрипло прокашлялся в кулак.

Время пришло.

Не переставая курить, я зашевелился.

Пальцы дрожали над клавиатурой. Каждое сообщение давалось с усилием, будто я рвал не виртуальные связи, а что-то внутри себя. «Прощай», — напечатал я и нажал «Отправить». Клавиша щёлкнула, как щелчок затвора.

Взглянув своими уставшими глазами на собранную заранее сумку, я выключил компьютер, и начал одеваться.

Джинсы еле сходились на талии — лишний вес от сидячего образа жизни давал о себе знать.

На улице бушевал сильный ливень. А я не знал куда заведет меня моё путешествие. Поэтому натянул кофту, и черную куртку с капюшоном.

Уже собираясь выйти, я еще раз взглянул на свою комнату.

Или скорее, на уже прошлую жизнь.

Банки из-под энергетиков и прочего мусора украшали стол. На полу у стены стоял пакет с пачками из-под чипсов. А рядом стоял новый велосипед. На котором я поездил всего ничего. Но каждый раз для моего тела, был испытанием выносливости.

На столе лежала пара книг. Польское Фэнтези и Хтоническая Мистика, и никакой стоящей литературы.

Мне хотелось забрать одну вещь из моего компьютера, но это время. Дабы следы моего существования там были стёрты. Но мне уже было плевать.

Выйдя за дверь, и шагая по скрипучим половицам, я заглянул в комнату к своему единственному родителю. Она крепко спала.

— Прости. — тихо сказал я, дабы не проснулась.

Двадцать два года я отравлял ей жизнь. Пора избавить её от этого бремени.

Оставив записку, я попрощался с ней. Хотя я очень боялся того, что я не решусь и вернусь домой. Когда её уже прочтут. Было бы очень неловко.

Но я уже взрослый. Пора быть решительнее.

Выскользнув за входную дверь, и закрыв её как можно тише, отправился вниз по лестнице.

Мое сердце начало бешено колотиться. Будто, впервые за долгое время, оно вообще начало биться.

Открыв дверь подъезда, я выскочил в ночь.

Ливень никак не утихал, пока я шел по мосту. Удивительно, но сейчас почти не было машин.

Холодные капли били по стеклам моих очков. От чего затемнённый взор, стал еще хуже. Я не успевал их протирать, как они снова наполнялись каплями.

Как вдруг, я услышал резкий гудок.

Гудок разорвал тишину, заставив меня вздрогнуть.

Передо мной, на большой скорости предстал большой белый грузовик.

Я ничего толком не мог разглядеть, всё было в каплях от дождя.

Резкий рывок в сторону, и я сумел от него увернуться.

Надо же. Он даже не остановился. Лишь было слышно какое-то ругательство на русском.

— Вот козлина. Кто в такое время так гоняет?

В последний раз протерев очки, и опустив голову ниже, стало понятно. Я в нужной точке.

Подо мной находились рельсы ведущие куда-то вдаль. Значит, время настало.

Да, я мог себе позволить билет куда угодно. Но сама моя задумка уже была глупостью несусветной. Поэтому, в своей глупости я решил идти до конца.

Опершись на перекладину, я вновь закурил.

Телефон показал время: 00:27.

И я стал ждать.

Меня трясло, то ли от холода, то ли от того, что я задумал.

Невольно, начали всплывать воспоминания. Почему я вообще всё это начал.

Школа... Травля. Проблемы со здоровьем — вечно рассеянный, отстающий. Неразделённая любовь, перечеркнувшая все мечты. Я и не думал, что доживу до шестнадцати... Поэтому, давно поставил на себе как личности, крест.

Холод и сырость была не только снаружи, но и внутри.

Тело трясло, мысли хаотично летали по страницам моей жизни, а я всё ждал. Пока не услышал заветный гул поезда.

— А вот и мой рейс.

В груди всё сжалось, пальцы сжимались и разжимались.

Всё кричало: Отступи! Вернись!

Но я прыгнул.

Дикий поток воздуха ударил в лицо вместе с каплями дождя. Мои глаза раскрылись шире.

Страх сжал мое сердце. А затем, резкая боль в правой руке, и боку.

Будто упал на раскаленные угли. А затем, адреналин резко ударил в голову, отдаваясь в висках, и я смог открыть глаза.

Отчасти я был прав. Я упал на угольный вагон. Чудом не задев провода.

— Ай. Как же больно. Рука...

Держась за повреждённую руку, я попытался встать. Опираясь на вагон, я выплянул наружу.

Поезд двигался вперед, не стоял на месте. А мчался вдаль через город.

— Я сделал это. Черт возьми! Я сделал это!

Мне было страшно смотреть как всё что я знал, удаляется от меня. Родной дом остался позади.

Затем я спрятался, прижавшись спиной к холодному вагону. Куртка прилипла к мокрой от пота спине, и ледяной ветер пробирал до костей, заставляя ёжиться.

Коленки дрожали — то ли от страха, то ли от возбуждения. Я отправился навстречу чему то новому: незнакомым городам, чужим лицам, жизни, которая больше не будет прежней. Возможно, не той, о которой мечтал когда то, но своей.

Выдохнув, я зарылся в куртку и закрыл глаза, прислушиваясь к стуку колёс.

Тогда то и начались события, которые я ранее считал невозможными.

Глава 2. «Точка невозврата.»

Пока поезд двигался в точку своего назначения, где-то далеко, над городом, который он покинул, летел самолёт.

Раздался треск радиопередатчика, по которому оператор связался с пилотами.

— Борт 197, доложите ситуацию.

Двое пилотов вели курс сквозь грозу, но чувствовали себя спокойно. Это был далеко не их первый полёт.

— Всё в полном порядке, держим назначенный курс. Лишь небольшая гроза. — сказал один из пилотов, ответив в рацию.

— Хорошо, Борт 197, ваш курс чист, конец свя...

Связь резко оборвалась, но пилоты не придали этому значения.

Наверное, гроза мешает связи - думали они.

Вдруг, по левому борту от них, сверкнула молния. Казалось бы, обычное дело.

Но внимание привлекла одна странность.

Молния не исчезла. Она будто застыла в одном моменте. А с её стороны, виднелся фиолетовый свет, приближающийся к ним.

Они оба присмотрелись к этому феномену. Даже стюардесса, находившаяся с ними рядом, обратила на это внимание.

— Птицы...они замерли. — тихо сказала она вглядываясь в мокрое стекло.

Стая птиц, застыла в воздухе, а фиолетовый свет, неумолимо надвигался.

Один из пилотов судорожно выхватил рацию.

— Оператор! На нас что-то движется!

С той стороны лишь тишина, и шипение радио. Будто, перерезали провода на той стороне.

Фиолетовый свет приближался всё ближе, и казалось, сами капли дождя останавливались перед ним. Уши пилотов закладывало, из носа стюардессы потекла кровь.

— Оператор! На нас движется неизвестная аномалия! — по лбу пилота потекла холодная капля пота.

А второй пилот схватил штурвал изо всех сил, так что побелели костяшки на пальцах.

Но по ту сторону, так же не было ответа. Будто, «это» добралось до них раньше.

Когда аномалия приблизилась ближе, пилоты сумели рассмотреть её получше.

Их глаза расширились от ужаса, когда в их головы начала закрадываться правда.

Это фиолетовое поле, которое несло рядом с огромной скоростью, останавливало время всего что в него попадало.

— Чёрт! — успел прокричать один из пилотов, когда часть самолёта с толчком прогнулась.

Поле накрыло весь самолёт, и пошло дальше. Но время там остановилось навсегда.

Где то далеко, за сотни километров от места катастрофы, шёл поезд, которого беда ещё не коснулась.

Солнечный свет пробивался сквозь тёмные тучи, заставляя меня щуриться. Я проснулся от ощущения лёгкого покачивания. Грузовой поезд всё ещё двигался вперёд, увозя меня всё в неизвестность.

Я откинул капюшон и размял затёкшую спину. Она ныла от неудобного положения, а боль в боку от вчерашнего падения всё ещё слегка обжигала при прикосновении. Я поднялся на ноги и вдохнул полной грудью холодный утренний воздух. Морозный воздух обжёт лёгкие, но я улыбнулся — он был свежим, чистым.

Запах свежести после дождя, ударил в нос, от чего я улыбнулся. Поправив очки, я достал из своей сумки термос с чаем и пару бутербродов.

— Так, где там мои бутеры?

Тёплый термос, согревающий мне руки, сразу напомнил мне о том, как сильно я продрог за эту ночь. Почувствовав тепло в груди от глотка чая, слегка расслабился. А бутерброды с колбасой, быстро взбодрили меня.

— Вот она, еда богов.

Это было просто два бутерброда и тёплый чай, но сейчас, это было лучшим завтраком на свете.

А передо мной раскинулся поистине необыкновенный пейзаж. Бескрайний зелёный цветущий лес, золотые лучи солнца пробивались сквозь тучи, освещая землю, а на горизонте уже вырисовывались величественные силуэты гор.

Я вспомнил слова одной песни, идеально описывающие этот момент:

«Утренний рассвет... Солнце поднималось над землёй... Просыпался лес... Восхищаясь розовой зарей...»

Этот мир был так прекрасен. И сейчас он принадлежал мне.

Я сбежал. Я решил взять судьбу в свои руки. Больше не ждать. Больше не надеяться. Только вперёд.

Смакуя чай и откусывая бутерброд, я просто смотрел вдаль. Тревоги ушли, мысли растворились в утренней тишине. Осталась только свобода.

Но вскоре я увидел нечто, что заставило моё сердце биться быстрее.

— Горы! Впервые вижу их в живую.

Я не мог оторвать взгляда. Их белоснежные вершины терялись в облаках, а склоны уходили в бесконечность. Я понятия не имел, где я, но внутри разгоралось странное чувство — мне нужно сюда.

Я заметил, что поезд начал сбавлять ход, проходя через горный перевал. Это был мой шанс.

Собрав термос и сложив его в сумку, я закинул её на плечо, и начал ждать. Опираясь на холодный вагон — металл слегка обжигал пальцы. Я начал аккуратно перебираться через вагон, опираясь на холодное железо почти примёрзшими к нему руками. Пальцы липли к нему. И тогда, я пожалел, что не взял перчатки.

Я оттолкнулся и прыгнул с поезда. В полёте попытался сгруппироваться: подтянул колени, прикрыл голову руками. Кувыркнулся в сугробе, прокатился несколько метров и замер. Резкую боль в ногах тут же заглушил снег, а морозный воздух, ударивший в лёгкие, заставил закашляться. Но я был жив.

В очередной раз мне повезло. - подумалось мне, пока я отряхивал с себя снег.

Он цеплялся к одежде, мешал двигаться. Каждый шаг давался с трудом, пока я двигался к тропе, на которой мои ноги уже не проваливались в сугроб.

Поезд с грохотом колёс, всё удалялся, оставляя меня одного среди бескрайних горных просторов. Но мне было всё равно. Я выбрал свой путь.

Горы звали меня. Я двигался вперёд и начал подниматься по тропе.

Пока не услышал странный голос, где-то вдалеке.

— Сюда...

Я замер. Я слегка приподнял шапку, над ухом, думая что мне показалось.

Огляделся. Тишина.

Но снова услышал его. Это был женский голос. Глухой словно шёпот, доносился изда-лека.

— Сюда... сюда...

Я сглотнул. Это не могло быть правдой. Я был один... или нет?

— Кто в здравом уме будет пугать людей в горах? Я еще понимаю, почему шёпотом. — я повернул голову вверх, наблюдая белые вершины. — Не дай бог лавина накроет, но чтоб пугать.

Решив перестраховаться, я дрожащими от колючего холода пальцами, нащупал кобуру и достал из неё простой складной нож, который я планировал использовать в быту, или на крайний случай, для охоты.

Мои шаги стали медленнее. Я переступал с ноги на ногу. Почти не шурша снегом под ногами. И всматривался во все стороны. Пальцы напряглись, сжимая нож. А дыхание стало медленным.

Но случилось то, чего я не ожидал.

Тяжёлый ветер ударил мне в спину, подтолкнув на пару шагов вперёд, и почти накиннув капюшон мне на голову.

— Блин!

Я сжал ноги, чтобы удержать равновесие, и вместе с этим попытался развернуться, дабы увидеть, что именно подняло такой вихрь.

Закрывая лицо руками, сквозь поднявшуюся метель, я посмотрел на горизонт. Прищурившись, я увидел, как фиолетовое свечение. Которое разрасталось, двигаясь в мою сторону.

— Может, оптическая иллюзия?

Но нет. Оно двигалось. И двигалось прямо на меня. Спутником этого поля был странный треск, будто сама реальность трескала под его натиском. Словно ломающиеся кости.

Камни вперемешку со снегом посыпались с гор. Ветер выл, всё сильнее словно предвещающая беду.

— Я не враг... Сюда...

«Чёрт. Что делать? Бежать? Но куда?»

Я бросил последний взгляд на надвигающийся катаклизм и рванул в сторону пещеры.

Как только я пересёк её порог, что-то грохнуло позади меня, и откинуло меня вперёд. Обернувшись, я увидел, как огромный валун запечатал вход.

— Великолепно... Теперь я ещё и застрял, — выдохнул я, отряхнувшись от снега. Пальцы дрожали, пока я нащупывал телефон в куртке.

Экран загорелся тусклым светом — сигнала не было.

Включив фонарик, я снял сумку с плеча и оглядел содержимое. Луч света выхватил термос, палку копчёной колбасы и буханку хлеба — всё уцелело.

Лишь фляга с водой получила небольшую вмятину, но это не расстраивало. В конце концов, это было частью путешествия — испытаний, которые делали его настоящим.

Но сейчас мой путь вёл меня вглубь темноты. Каждый шаг отдавался эхом, множась и затухая в невидимых глубинах.

С потолка тихо капала вода — «*кап-кап-кап*» — собираясь в лужицы, отражающие луч фонарика.

Воздух был затхлым, с привкусом влажной земли, и на удивление тёплым.

И чем дальше я шёл, тем ощутимее становилось тепло. Морозный воздух исчез, пар изо рта больше не клубился. Я провёл рукой по лицу — кожа была влажной, на куртке проступили пятна от растаявшего снега.

— Что за чертовщина... — прошептал я, чувствуя, как по спине пробежал не то озноб, не то предвкушение чего то необъяснимого.

Моя одежда начала сушиться прямо на мне.

«Может быть, где то здесь горячие источники?» — подумал я, продолжая путь в догадках.

Я шёл дальше, терзаемый догадками, без единого ответа.

Вся пещера была одинаковой: сталактиты, изредка капающая вода, эхо моих шагов, разносящееся вдаль, — и больше ни звука. Будто в этом месте больше ничего и не существовало — лишь длинный просторный туннель из влажного камня.

Даже страх неизвестности пропал. Отчего мне, слугу, захотелось ускорить шаг.

В следующее мгновение земля ушла у меня из под ног. Пока я рассматривал архитектуру, как какой-нибудь турист в музее.

Толком я и не понял, как это произошло. Вместо уверенного шага — пустота. Как будто пропустил ступеньку, когда спускался. Меня резко потянуло вперёд.

— Чёрт! — вырвалось у меня, когда я осознал, что падаю. Тело крутило в воздухе, руки хаотично хватали пустоту. Пальцы дрожали, но я из последних сил сжал телефон крепче.

Хотел бы я сказать, что перед глазами пролетела вся жизнь. Но этого не случилось. Я всегда был неверующим. И ждал, что после смерти, если меня что-то и ждёт, то нечто подобное — просто чёрная пустота. Иронично.

— Прощайте... — выдохнул я, закрывая глаза и ожидая своей участи.

Но смерть не пришла. Я не ударился о камни, не разбился в лепёшку. Что-то держало меня в воздухе.

Я медленно открыл глаза, затаив дыхание. Подо мной, в метре, мерцала странная квадратная белая плита, испещрённая светящимися символами. Бледно-белое свечение, исходящее от них, поддерживало меня, словно невесомая воздушная подушка. Символы пульсировали, будто дышали в такт моему сердцебиению.

Потом оно исчезло, и я мягко опустился на плиту.

— Твою мать... — выругался я, выдыхая.

Глава 3. «Во Тьме.»

Я огляделся. Небольшая комната освещалась странными растениями.

Они светились, как и плита, бледно белым сиянием. Корни растений тянулись в соседнюю комнату, и постепенно её очертания начали проступать в свете, будто кто то манил меня туда, словно приглашая войти.

Поднявшись на ноги, я наконец ощутил твёрдую опору, но колени всё ещё подрагивали после падения.

Взглянув вверх, туда, откуда я свалился, я увидел лишь непроглядную тьму.

«Сколько я падал? Секунду? Час? А может, я и не падал вовсе?»

Я провёл ладонью по лбу, стирая липкий пот, и сделал глубокий вдох, пытаясь унять дрожь в руках. Поправив сползшие очки, я огляделся внимательнее.

Цветы, служившие единственным источником света, были ослепительно белыми, почти как лилии. Они реагировали на каждое моё движение. Чем ближе я подходил, тем ярче они сияли — почти ослепляли, заставляя шуриться.

Я протянул руку к ближайшему цветку, но тут же одёрнул её. Что то подсказывало: сорвёшь — и сияние погаснет. А если он ядовит?

Других вариантов не было. Оставалось идти вперёд.

Цветы мерцали в такт моим шагам, будто подбадривая: *«Иди. Мы покажем путь»*.

А чёрные корни рядом с ними слегка шевелились, словно живые. От этого по спине пробежали мурашки, а волосы на руках встали дыбом.

Я шёл по этому пути, пока позади меня не начали гаснуть цветы — один за другим, будто кто то задувал свечи.

— Ты уже близко, — послышался голос вдали.

Честно сказать, меня била дрожь, но что оставалось делать? Здесь просто нет выхода, кроме как идти вперёд — в тёмный туннель, по которому расползались корни, будто щупальца неведомого существа.

И вот я увидел, как впереди туннель заканчивается, открывая непроглядную тьму.

Цветов, что освещали мне путь, дальше не оказалось. Я сделал шаг в эту пустоту, из которой тянулись корни — холодные и липкие на вид.

Сразу я почувствовал движение в темноте. Хруст и шелест веток, будто чтото огромное шевелилось там, подбираясь ближе. Воздух стал гуще, дышать было труднее. Холодный пот стекал по виску, капая на воротник.

— После стольких лет мы снова встретились. А ты подрос с нашей последней встречи, — раздался хриплый женский голос из темноты.

Я замер, сердце пропустило удар.

«Кто это? Откуда она знает меня?» — мысли метались в голове.

— Прошу прощения, я не знаю никого похожего, — выдавил я, стараясь, чтобы голос не дрожал. Лучше не злить её.

— Хехехе. Просто ты не помнишь. Или, лучше сказать, не можешь, — хриплый смешок донёсся из темноты, эхом отражаясь от стен. — Это было много лет назад... Ты, наверное, путаешь нашу встречу со сном или видением.

И я вспомнил. Чудовище из моих снов. Бесформенное, тёмное, воплощение самого страшного кошмара. Я никогда не забывал его.

Помнится, мне было лет пять-шесть. Я сидел за столом в тёмной комнате, доедая ужин перед телевизором.

Вдруг я почувствовал что то — страх, дикий и первобытный. Быстро спустившись на пол, я прижался к батарее у окна. Я не слышал и не видел, что стало причиной ужаса. Просто понимал: что то смотрит сюда.

Любопытство пересилило страх. Я поднял глаза к окну.

И тогда я увидел её. Белое лицо с пустыми глазницами и широко раскрытым ртом, внутри которого клубилась тьма. Оно смотрело в окно, выискивая что то... или кого то. От его взгляда по спине пробежал ледяной озноб, будто кто то провёл когтем вдоль позвоночника.

Прижавшись к батарее, я трясся от ужаса, чувствуя, как холодный металл впивается в спину.

Но вдруг что то внутри меня щёлкнуло. Я выпрямился во весь рост, глядя прямо в лицо этому созданию.

Оно увидело меня и, казалось, испугалось. В тот же миг всё исчезло, будто его и не было.

Сейчас я стоял в оцепенении. Сердце бешено колотилось в груди. Никто. Абсолютно никто не знал эту историю. Она осталась в моей душе лишь как рычаг — рычаг к смелости и отваге перед всем миром.

«Это не может быть реальностью, — подумал я. — Просто сон. Плод моего детского воображения...»

Я сглотнул, пытаясь унять дрожь.

— Так ты думаешь, это был просто кошмар? — голос Тьмы звучал тихо, без насмешки. — Не бойся. Сейчас я покажу тебе всю правду.

Из темноты с невероятной скоростью вылетело тёмное щупальце. Да так, что я ничего и не успел сделать.

**Виших ! - оно дотронулось до моего лба. И я провалился в воспоминания Тьмы.*

До создания всего, была лишь пустота.

*Пустота была моим домом. Там не было ни времени ни смерти. Лишь **Тьма** - Я.*

«Я почувствовал это, пустоту, что она мне показывает. Кромешная тьма, но такая манящая, холодная. Но именно здесь, я почему-то чувствую покой.»

Я спала наслаждаясь тишиной, как вдруг прогремел взрыв.

*Из бесконечной пустоты начал литься свет. Этот свет принадлежал **Светлоликому** - богу.*

Самому первому, тому что дал жизнь всему.

Другим богам, вселенным, и правилам, по которым они начали существовать.

«Хоть это и было светом, я чувствовал жар исходящий от него. От которого, хотелось убежать. Даже если это, всего лишь воспоминания.»

Меня не интересовало происходящее, мне нужен был лишь покой, но Бог заметил меня.

Он направил свой свет дальше, и как только его частичка коснулась меня, я впервые почувствовала боль. Взревела от неё.

«Её крик был пронзительным, будто животное, что попало в капкан. А в сердце, закололо, будто от игл.»

Я просила его остановиться, отдалялась. Но ему было мало. Там, где он проливал свой свет, зарождалась новая жизнь. Обрекая меня на угасание.

Позже, я заметила. Его вселенные, одна за другой начали медленно затухать. Они разрушали сами себя. И всё обращалось обратно в пустоту.

Он был в зол, и расстроен, будто ребёнок, чья игрушка сломалась.

Тогда, он обратился ко мне за помощью.

Сказал, что мы поделим всё сущее поровну, и он оставит меня в покое.

Я Согласилась.

Вместе, мы дали новую жизнь. У каждой вселенной был свой срок, а после угасания, она начиналась вновь. Жизнь, смерть, и новое начало.

Такая концепция нравилась ему. А я спокойно отправилась спать.

Не знаю сколько времени прошло с тех пор. Но на меня вновь напали.

Трое светоносных существа с белыми крыльями. Те сущности, что создал бог себе в помощь. Они медленно но верно уничтожали меня. Но я не чувствовала этого. Пока не было совсем поздно.

«Совсем как у людей. Сначала протягивают Оливковую Ветвь, а потом всаживаю нож в спину.»

Они пленили меня. Не зная смерти, я чувствовала, что вот-вот исчезну. И тогда, из своих последних сил, я отправила часть себя к его детищам.

Выживая, я скитаясь от вселенной к вселенной. Искала место, где смогла бы спокойно существовать. Но потом, я почувствовала - Бог мёртв.

Три создания света, что он создал, убили его. А позже, рассорились сами.

« — И ты — Брут. » - усмехнулся я, вспоминая историю древнего Рима.

Если бы у меня была прежняя сила, я бы смогла вернуться к себе в пустоту. Но сейчас я лишь тень былой себя, лишь наблюдая взлёты и падения миров. Наблюдая за другими богами и их созданиями. Большие всего меня интересовали люди.

Эти гордые и самоотверженные личности поражали меня. Они были полны любви и храбрости, но также были полны злобы и ненависти. Они создавали, и разрушали. Но среди всех этих душ. Была одна особенная.

Эта душа горела **чёрным пламенем**. Было, что-то родное в ней. Это тронуло меня.

Её носитель сторонился других, мечтал, и смотрел на звёзды.

«Мне было это знакомо. Ночью, смотря на луну и звёзды в тёмном небе, я чувствовал покой, но и одиночество.»

Я хотела приблизиться к нему, поговорить. Но, когда я почти смогла дотянуться до него рукой, он умирал. И так было с каждым. Это было **проклятием**. Когда я почти сдалась. Я нашла тебя.

Мальчика с тьмой в сердце, что у предыдущих носителей. Только, она стала более страшной. Вся боль, одиночество, отчаяние, и злоба, накапливалась с ужасающей силой, отчего становилась всё сильнее.

Только прикоснувшись, я смогла всё понять. Твоя душа — дитя нашего союза с Богом. Она не могла обрести счастье, ни в одном мире в котором существовала. Она была вне законов мира, вне судьбы. Ибо не связана только одним миром. А со всем сущим, как и я с Светлоликий.

Если разорвать этот порочный круг, проклятие исчезнет. Для этого нужно было отправить мальчика в другую вселенную, но у меня не было на это сил.

И больше всего, я опасалась того, что его заметят, и попытаются уничтожить вместе с душой. Поэтому, я запечатала его силу, чтобы спрятать его от недругов.

Но его только появившийся сосуд был слишком мал и слаб, чтобы выдержать подобное. И я ждала, когда придёт время.

«В следующий момент, я увидел свою деревню. На улице стояла ночь. Я начал догадываться, о том что сейчас увижу.»

Всё было примерно так как ты и запомнил, но я не была чудовищем. Я приняла обличье простой женщины. Улыбнулась тебе, а ты уже готов был закричать.

Я пыталась тебя урезонить, но ты так ёрзал, что мне пришлось удержатъ тебя своими щупальцами.

«Я почувствовал лёгкую улыбку на её лице. Как от приятного воспоминания.»

Я коснулась твоего сердца - твоей души. Но она уже была полна тьмы и ужаса. Тогда я испугалась, ибо она источала смерть. Тогда, я и **запечатала** её.

Ты потерял сознание от боли, а я заменила твои воспоминания. Чтобы, ты смог спокойно жить. А сама поселилась здесь, глубоко в недрах планеты.

И никогда бы не подумала, что мы снова встретимся, но видимо, это моя судьба.

Её тёмное щупальце отстранилось от меня, вернувшись во тьму.

Мне было трудно поверить в её рассказ. Но я видел всё сам.

Я пытался переварить увиденное мною. Голова трещала.

«Бог, тьма, тёмная душа, проклятие...»

Всё это выбивалось из моего представления мира. Дышать стало тяжело.

Без сил, с глухим стуком я рухнул на землю.

— Тебе не хорошо? — спросила меня Тьма. Её голос звучал так нежно, почти по матерински.

И судя по всему, так есть.

— Нет, «мама». Просто обдумываю всё увиденное. — сказал я с некой иронией, пытаюсь как-то взбодриться.

Даже в темноте, и не видя её, мне показалось она слегка засмушалась, услышав мои слова, и улыбнулась.

Сидя на полу, я вытирал лицо от пота.

«Тёмная душа? Мульти вселенная? Мир, в котором я живу не принадлежит мне? Проклятие? Прям сюжет для игры какой-то.»

Но кое-что я решил спросить.

— Что в итоге? Ради чего всё это? Ну допустим есть у меня эта тёмная душа. Но что с того?

Для меня, это мало что меняло. Может, я и похож на предыдущих носителей. Что изменится? Переместить она меня всё равно не сможет. А я застрял глубоко в пещере. Из которой, я не смогу выбраться сам.

— Как я уже говорила. Моя судьба — встретить тебя вновь. Но...

Она слегка усмехнулась.

— Ох уж эти превратности судьбы.

У меня в груди от её слов, потеплело, от накапливающейся злости. Как же я ненавижу, когда со мной разговаривают загадками. Меня это просто выводит из себя. Почему просто не сказать прямо?!

— Моя судьба, рассказать тебе ужасную правду.

Вены на моих висках слегка напряглись. Я старался держать себя в руках, глубоко дыша.

— И что же может быть хуже того, что я вселенское проклятие? — выпалил я.

Она почувствовала мой грозный тон, и холодным голосом выдала:

— Я не знаю кто именно занимал место Светлоликого после его смерти. Но одно я знаю точно

— Он мёртв.

— Мёртв? — слегка удивился я.

«Ну а что? В моём мире, если начать изучать мифологию в целом, там все друг друга режут и убивают. А раз так...»

Я поднял руку, желая кое что спросить у неё.

— Подожди. Я хочу кое что уточнить.

Она слегка растерялась, услышав мой ровный тон.

— Я только начинаю осознавать, что всё это... реально. Но если всё так, как ты говоришь... Значит ли это, что боги, монстры, ангелы, демоны — всё это существует?

Её ответ прозвучал так же спокойно: — Пантеоны, Древние и многие другие — да.

Весь мой боевой дух иссяк.

«Пантеоны — от Олимпа до Египта. Вся религиозная мифология. А главное — Древние боги, способные пожирать саму реальность. Чей облик сводит с ума...»

Меня сковал страх. Я представлял апокалипсис во всех деталях: катаклизмы, гибель миров, смерть. С пустым лицом я уставился в пол, чертя на земле бессмысленные каракули.

— Тогда убейте меня сразу, — тихо пробормотал я.

Тьма замерла, увидев моё состояние — граничащее с безумием. Щупальца зашевелились, сплетаясь в неровный узор.

— Эй? Что с тобой? Ты в порядке? Я что то не то сказала? — её голос дрогнул.

Такой вселенской сущности было трудно понять страх человека.

«Лучше бы я не спрашивал. Счастье — в неведении», — мелькнуло у меня.

Но вдруг страх отступил. Его место заняло тепло, похожее на колыбельную — мягкое, убаюкивающее.

Я повернул голову. Тьма, приняв облик женщины, мягко обняла меня.

— Ты боишься, я понимаю, — её шёпот звучал почти по матерински. — Я наблюдала за людьми с тех пор, как они прятались в пещерах по ночам. Сидели у костров и смотрели в темноту.

Дрожь утихла. Наконец, я смог выговорить: — Это не совсем страх. Скорее... осознание того, как мы ничтожны на фоне всего остального.

«Ладно, ничего не поделаешь.»

— Так, как это всё связано со мной?

Тьма отошла в темноту, а я смог подняться на ноги.

— А разве ты не видел, что происходит наверху?

Я задумался, ведь из странностей только...

— Фиолетовое свечение?

— Это **поле конца времён**. Когда трон Светлоликого стал пустым, некому стало поддерживать всё что мы создали. И всё было бы уничтожено, если бы не ты.

— Что? Я? А я то тут причем?

— Поле конца времён — это не смерть, и не остановка времени. Оно заканчивает судьбу всего: Людей, животных, богов, и даже капель воды во время дождя.

— Ставит всё на паузу?

— Нет. Оно обрывает их судьбу. Что бы ни было назначено, всё будет оборвано. А ты, человек без судьбы. Ты неизвестная переменная. Так что, вместе смерти, всё замрёт навеки.

— А если я попаду под него?

— Оно тебе не грозит. Ты останешься жить, но в мире в котором всё будет стоять на месте. А с твоей смертью, закончится и жизнь всего.

«Жизнь в замершем мире, в ожидании смерти...»

Устало вздохнув я взялся за голову, в висках стучала боль.

— Так, а кто мог начать всё это? Кому по силам было избавиться от существа подобного богу?

— Вселенные множились и развивались. Рано или поздно, должен был появиться тот. Кто захочет занять трон.

— Значит, кто-то целенаправленно не занял его место?

— Это мне неизвестно.

Между нами возникла тишина.

— А что сейчас с людьми которые попали в это поле?

— Сложный вопрос. Но наверное.. — она посмотрела куда-то вверх. — Они за пределами, в ожидании конца.

«Не жизнь, и не смерть. Мрачноватый финал, даже для них.»

— Ну а что будет с нами? Мы тут застряли?

— Не волнуйся. Тебя скоро заберут отсюда.

— А ты?

Казалось, она горько улыбнулась.

— Я давно пустила корни в этом мире.

Кхе-кхе! — прокашлялась она.

— Мне осталось недолго.

— Что? Даже ты уходишь?

Такое беспокойство, тронуло её.

— Но не волнуйся, мой... возлюбленный «сын». — Она невольно улыбнулась, и в голосе зазвучала непривычная теплота.

— Какой бы путь в дальнейшем ты бы не выбрал, я всегда буду на твоей стороне.

Пещера заходила ходуном. С потолка начали обрушаться мелкие камушки.

— Ну вот и всё. Пора прощаться.

Прикрывая рукой голову, я приблизился к ней.

— Ей! А что мне делать?

— Прощай, я желаю тебе счастья. — бросила она напоследок.

Всё помещение начало наполняться светом. И жутким гулом. Как от церковных колоколов и песнопений.

И лишь на мгновение, перед тем как всё наполнилось ярким светом.

Я увидел её улыбку. Добрую и наполненную надеждой.

Затем всё исчезло.

Глава 4. «Перерождение»

Свет, поразивший меня, начал постепенно рассеиваться. Церковное эхо внутри головы становилось всё тише. Я по-прежнему не мог открыть глаза: белизна была такой нестерпимой, что глаза жгло под веками остро, как соль.

Я вскинул руку, пытаюсь заслониться — ощущения были странно лёгкими, тело будто стало невесомым и чужим.

«Что за кошмар? Где я? И почему так невозможно светло?»

— Надо же. Ты действительно просто человек, — раздался рядом голос, надменный и спокойный. — Здравствуй, дитя.

«Здесь кто-то есть... Почему в голосе слышится разочарование?»

— Пожалуйста, выключите свет! — почти выкрикнул я.

В воздухе промелькнул лёгкий смешок.

— Человеческие глаза настолько слабы, что не могут терпеть свет божий? Ладно, подожди немного.

Ступени приближаются: кто-то подходит. Внезапно меня пронзает резкая боль — ещё сильнее, чем прежде, — и я инстинктивно зажмуриваюсь, роняя очки.

— Не суетись, — голос стал мягче. — Сейчас станет легче.

Я опустил на колени, чувство реальности вернулось через холод и текстуру пола. Наугад нащупал пальцами очки. Свет медленно тускнел, и наконец зрение прояснилось. Мир, будто промытый потоками света, начал складываться в узнаваемые формы.

Я оказался в огромном белоснежном зале; пол — как зеркало с золотыми и серебряными узорами, тонкие колонны устремляются ввысь и теряются в мерцании. Возвращаю на нос очки, и постепенно вижу больше: статные фигуры по бокам, похожие на ангелов и демонов, замершие в немыслимых позах — ни одного движения, ни единого взгляда.

Тишина ощущается почти физически, снежно-холодная, и лишь лёгкий запах озона даёт понять — это место не про смерть.

Передо мной стоял высокий мужчина с длинными светлыми волосами, зачесанными назад. Его чёрные, как смоль, крылья слегка подрагивали, а лицо выражало нескрываемое любопытство. Его золотистые глаза внимательно изучали меня.

— Так лучше? — спросил он, ухмыльнувшись.

Я медленно кивнул.

— Да... гораздо... Спасибо.

Он театрально поклонился.

— Рад помочь. Я, кстати, Азазель.

Я моргнул. «Азазель? Тот самый?»

— Как я понял, ты сейчас задаёшься вопросом, что демон делает в Раю? — продолжил он, лениво осматривая ногти. — Времена нынче... необычные. Приходится работать сообща.

Я открыл рот, но не успел ничего сказать — из-за колонны вышла ещё одна фигура. Высокая женщина в строгом сером костюме с золотыми узорами. На её плечах красовались небольшие серебряные наплечники, а на боку висела тонкая рапира с рунами, которые мерцали при свете. Её короткие волосы были аккуратно убраны назад, а синие глаза изучали меня с подозрением.

— Ах ты, жалкий демон! Как ты смеешь вмешиваться в дела небес? — холодно бросила она.

Азазель усмехнулся и сложил руки за спиной.

— Грэмиэль, дорогая, может, ты хоть раз поприветствуешь меня без брани? Я ведь помог человеку.

Грэмиэль сузила глаза.

— Мы сами могли это сделать.

— Но ведь не сделали, не так ли? — Азазель хмыкнул и бросил на меня взгляд. — Дитя, ты ведь не жалуешься на мою помощь?

Я сглотнул, чувствуя, как напряжение между ними растёт.

— Нет... я благодарен, — пожал я плечами. — Но что вообще происходит? Почему Рай... пуст?

Грэмиэль на мгновение смягчила взгляд и посмотрела на меня более внимательно.

— Ты последний человек, оставшийся в этом мире, — сказала она. — Всё, что существовало, застыло во времени.

Я почувствовал, как холод пробежал по спине. «Последний человек...»

— Значит... я один?

— Да, — спокойно ответила Грэмиэль. — Ты последний. Но это не совпадение. Мы хотим знать: кто ты? Почему твоя душа настолько тёмная? И... причастен ли ты к этому катаклизму?

Я смотрел на неё, не зная, что сказать. «Я простой человек. Я не делал ничего.»

Но внутри что-то болезненно сжалось.

— Это был не я, — наконец выдавил я, встречаясь с её взглядом.

Грэмиэль долго смотрела мне в глаза, словно стараясь прочесть мои мысли. Затем тяжело вздохнула и отвернулась.

— В таком случае ты предстанешь перед Всевышним. Ему решать, что с тобой делать.

Я почувствовал, как внутри всё сжимается. Моё путешествие только началось, а меня уже ведут на суд к богу?

Азазель наклонился ко мне и шепнул на ухо:

— Не бойся, дитя. Главное — не раздражай их. Ну или хотя бы попробуй.

Он подмигнул и с ленивой улыбкой двинулся вперёд, ведя нас по коридору дальше. Я сглотнул и последовал за ними, понимая, что всё это — только начало.

Я вошёл в белый зал; за спиной мягко, почти неслышно, сомкнулись двери. Эхо шагов затерялось в необычной тишине, которая напоминала не торжество, а скорей предчувствие допроса.

Всё здесь выглядело так, будто кто-то пытался воссоздать величие тронного зала из фэн-тези или аниме — только теперь без лишней декорации и помпы.

По обе стороны — высокие окна, сквозь которые — райское небо, парящие города, острова, даже мимолётные ангелы и демоны, невесомо скользящие между облаками. Всё светилось и цвело, но у меня не было ни времени, ни желания задерживать взгляд на этой красоте.

Меня ждали. В центре зала — седой мужчина, европейской внешности, с молочно-белыми глазами и в белоснежном балахоне. Его лицо в морщинах и шрамах, от усталости стало почти прозрачным, но улыбка оставалась живой и неожиданно доброй. На ногах — потёртые деревянные тапочки. Лишь мимолётный блик серебра выдавал признак брони где-то под одеждой — неуловимо странная деталь.

Он восседал на троне вместе с четырьмя ангелами, облачёнными в белое. Пока я подходил, трое из них лениво, без особых эмоций, покидали зал. По одному, не скрывая, что даже не желают смотреть мне в лицо. Мне это было знакомо — здесь тоже нашли повод для презрения.

Остался один ангел — крепкий, с короткой щетиной, невысокий, в строгом сером костюме; он чуть насмешливо поправил очки и на секунду задержал на мне холодный, пронизывающий взгляд. В его зелёных глазах читалась не враждебность — а скорее желание разобраться.

Я остановился в нескольких шагах от трона, не пытаясь что-либо говорить первым.

— Здравствуй, — заговорил старик в балахоне, — я Бог. Но, думаю, ты и сам это уже понял.

Я задумался. Старое имя не хотелось произносить на этом странном «небесном суде» — в нём не осталось ничего, кроме усталости и горечи. Да и привязывать себя к прошлому уже не хотелось.

— Зигфрид, — ответил я после короткой паузы.

Я видел, как ангел чуть приподнял брови, но ничего не сказал. Бог то ли улыбнулся, то ли его лицо дернулось в лёгкой тени воспоминаний — могло и показаться.

Я задумался. Почему именно Зигфрид?

Да, это имя из немецких легенд. Впрочем, впервые оно по настоящему зацепило меня не из-за древних мифов, а из одной шумной японской истории про ангелов, демонов и прочую чертовщину.

Почему бы и нет. Пусть причина так и останется моим маленьким секретом.

— Рад встрече, Зигфрид. У тебя сейчас, должно быть, масса вопросов. Я готов ответить на все, на которые смогу. Но и мне потребуется узнать кое-что от тебя. Сам я этого знать не могу, как бы ни стремился.

Я едва заметно кивнул.

— Прямо сейчас у меня лишь один вопрос. И от ответа на него зависит весь наш дальнейший разговор, — мой голос стал грубее.

— Ох... Ну раз так, спрашивай.

— Раз ты бог, можешь ли ты вмешиваться в дела смертных? Например, исцелять неизлечимые болезни? Отвечать на мольбы и просьбы верующих? Совершать чудеса? Помогать тем, кто заслуживает или нуждается в помощи? Поддерживать тех, кто на грани, кто сомневается, кому терять, кроме жизни, уже нечего?

В комнате повисла тишина. Ангел, стоявший рядом, был ошеломлён, а бог задумался, в его взгляде промелькнула тень злости.

— Я также могу насылать чуму, наводнения, развязывать войны, вызывать катаклизмы... По щелчку пальцев могу стереть всю вселенную, если захочу.

Это и был его ответ.

Я усмехнулся.

— И что тут смешного? — выдавил из себя ангел.

Мне показалось, он был готов меня прикончить.

— Я рад, что оказался прав.

Я прекрасно понимал: для них я такой же мусор, как и для всех остальных. Но сейчас ситуация была в мою пользу.

— В чём же ты прав? — спросил мужчина на троне. Ему явно стало интересно.

— В том, что богам... просто плевать на нас, людей. Там, на земле, люди молят Бога о спасении, а он, даже имея возможность, ничего не делает. Я когда-то был одним из тех, кто верил в высшую силу. Но никто не пришёл. И вера моя ушла.

Ангел, стоявший рядом с богом, был взбешён этими словами.

Мне даже показалось, что над моей головой вот-вот опустится гильотина.

— Это всё, что ты хотел узнать? — поинтересовался бог.

— Ага. Теперь мне всё ясно. Так что, перейдём к делу?

— Да.

Атмосфера тут же стала нейтральной. А по моей спине прокатилась холодная капля пота.

— Теперь я задам тебе вопрос, который определит наш дальнейший разговор. Отвечай честно, если солжёшь — Ад с радостью примет тебя.

— Готовясь к вопросу, я уже был готов к смерти. Спрашивайте.

— Кто ты? Или что ты такое?

Опять тот же самый вопрос...

— Я говорил это и скажу снова: я человек. Родился и вырос на Земле. Насчёт того, что происходит, — не имею ни малейшего понятия. Но и не отрицаю, что могу быть в этом замешан сам того не зная.

— Знаешь ли ты что-нибудь о своей душе?

— Повторюсь: я человек. Я не вижу и не чувствую свою душу. А то, что она чёрная, услышал только от Грэмиэль.

— Она не просто чёрная. Она пылает чёрным пламенем, подобно душам демонов, но твоя отличается от их. К тому же... она закована в цепи.

— Разве может душа человека быть такой? Вы ему верите? — поинтересовался ангел.

— Нет. Но он явно не врёт. Как он и сказал, сам не знает. К тому же, до сегодняшнего момента мы никогда не видели такую душу среди других. Я думаю, события, что происходят сейчас, тесно связаны с ним. Скорее всего, это судьба.

— Наверное, вы правы, — ангел поправил очки и тяжело вздохнул.

— Итак, парень, пора посвятить тебя в происходящее.

Бог встал со своего трона и подошёл к окну. Прикоснувшись к нему, он сделал так, что окно исчезло — на его месте открылся проход в тёмную комнату.

— Пойдём.

Я последовал за ним и ангелом.

Бог взмахнул рукой — на стене сразу возникло множество экранов.

— Около сорока часов назад из ниоткуда возникло фиолетовое поле. Оно появилось в нашей вселенной и стало поглощать всё вокруг. Позже мы узнали, что множество других вселенных также были опустошены. Даже другие боги... были пойманы этой ловушкой и просто исчезли. Мы остались последними, и даже пойдя на сделку с демонами, не смогли понять, в чём дело. Мы были в панике. Поле распространялось, пока в районе, где мы нашли тебя, вдруг не остановилось. Оно поглотило всё, после чего примерно два часа не двигалось, пока мы не обнаружили тебя. Когда мы тебя забрали, это место тут же было накрыто полем. Сейчас все вселенные оказались под властью этого поля. Кроме Рая.

Может, стоит им рассказать про Тьму? О том, что тот, кто правил мирозданием, был убит... и теперь кто-то другой претендует на его место. Хотя, если расскажу всё, в моих словах будет слишком много противоречий. Тьма говорила, что моя печать может быть разрушена только, если я перейду в другой мир... и что я связан с иными мирами. Может, мне действительно стоит туда попасть? Но как пробраться в миры, которые уже накрыло Поле Конца Вре-мён?

— И что в итоге? Я здесь, но какой у вас план?

— План? Пока только держать тебя здесь. Не волнуйся, не в качестве заложника, — бог снова опустил на трон и тяжело вздохнул.

— План неплохой, но есть нюанс: если в других мирах боги исчезли, значит и это место — вопрос времени. Не вечное.

— Ты прав. Но что, по-твоему, мы должны делать?

— А что если отправить меня в прошлое?

— В прошлое? Зачем? И куда именно?

— Я немного понимаю, как работает путешествие во времени. Изменив прошлое, я не изменю будущее — так говорят физики моего мира. Но тут дело не только в науке, а в законах мироздания. В моём мире изменить прошлое нельзя, но здесь — ты же бог, способен менять законы. Может, невозможное где-то там вполне возможно у тебя.

— К чему ты клонишь? — бог, кажется, заинтересовался.

— Конечно, мне нужно подготовиться. А после — отправиться в начало другого мира, вселенной... найти виновного и остановить его. Только хочу кое-что взамен.

— Взамен? То есть ты хочешь сделки?

— Да.

— И что же ты хочешь за спасение вселенной? Может, стать богом? Бессмертие? Власть?

— Всё проще. Деньги. Столько, чтобы хватило на всю жизнь и ещё сверху. Так много, чтобы я никогда не думал о них вовсе. И давай честно: я хочу просто нормальную старость. Дайте мне сто лет жизни — начиная с исполнения ваших обязательств.

— Деньги? — бог рассмеялся, даже ангел фыркнул, переглянувшись с ним.

— Какое банальное желание. И это всё?

— Не настолько банальное. Я бы назвал это достойной пенсией.

— Раз так, я согласен. Но что ты имеешь в виду под подготовкой?

— Всё логично. Мне нужно стать сильнее. В мультивселенной я не знаю, на кого наткнусь. В фильмах ужасов есть такие твари, что убьют даже во сне. Обычный человек не выстоит, мне нужна защита, сила... Но для начала — похудеть. В таком теле я далеко не уйду, — я усмехнулся, показывая на себя.

— Фильмы ужасов? Это уж точно выдумки людей с расшатанной фантазией. Хотя, кто знает, что скрывается за пределами этой вселенной... — Ладно, чем сможем — поможем. Значит, ты согласен?

— Да. Договорились?

— Договорились.

Мы пожали друг другу руки. Это было непросто, но я справился.

Говорят, хорошая сделка — когда обе стороны думают, что обманули другого.

Но сейчас... я не был уверен, всё ли просчитал. Главное — остановить того, кто всё это устроил. Это выгодно всем. Пути достижения, детали — мы даже не обговаривали.

Деньги? Меня они не интересовали... Но пусть это останется официальной причиной. Никто не вчитывался в подтекст.

А ведь всё было иначе.

«И это — бог? Эти дураки даже не поняли, как их только что крупно облапошили. Видимо, правильным было сперва позлить их, снизить бдительность. Показать тупым болваном, лишённым веры, — всегда срабатывает. А когда узнают правду, будет уже поздно.»

Забыть, простить? Нет, не для меня. Я сам выбрал свой путь — как можно дальше от этого гнилого мира. Даже если вдруг когда-нибудь он вернётся в норму, возвращаться туда я не намерен.

«А раз уж у меня появилась возможность не просто сбежать, а заполучить силу — почему бы мне этим не воспользоваться?»

Теперь я вижу свой путь.

Это не бегство, не стремление к прощению, не надежда стать лучше. Моя цель кристально ясна: **Мсть.**

«Хочешь изменить порядок — бери всё в свои руки и никогда не проси помощи.»

Это не обида слабого и не злость жертвы. Это то, что делает меня намного опаснее, чем они могут себе представить. Дело не в чёрной, пылающей душе, не в богах, не в демонах.

«Мои причины для мести — мои. Только мои.»

Если и вернусь, то лишь для одного: чтобы сжечь этот мир дотла.

Вот мой секрет. Моя настоящая сделка.

И никто — ни боги, ни демоны — не сможет её отменить.

Бог встал с кресла и подошёл ко мне.

— Для начала я сделаю тебя ангелом. Это сделает тебя сотни раз сильнее обычного человека. Считай, жест доброй воли. Встань на колени.

Я послушно сделал, как он сказал.

— Эм... Но можно ли так делать? Да, мы раньше делали из людей ангелов, но... с его душой, с такими помыслами... — ангел рядом был явно встревожен.

— У нас с ним сделка. У нас одна цель. Так что, всё нормально. Да и что дальше? Прятаться, пока не умрём? — бог пожал плечами.

Он положил ладонь мне на голову. Рука его засветилась чистым белым светом.

— Отныне и вовеки ты — ангел божий. Каковы бы ни были твои помыслы, ты пойдёшь путём света. По старым правилам я должен был бы выбрать твоё ангельское имя, но сегодня ты — исключение. Ты партнёр по сделке. Так что назови его сам.

— Разве не очевидно? — я хитро улыбнулся.

Пару секунд я выдержал паузу — и произнёс:

— Люцифер.

Яркий белый свет наполнил комнату, и ритуал завершился.

— Это имя... Моего погибшего сына... — бог, только сейчас сообразив, рассеянно повторил мои слова.

— Примите мои извинения. Но это имя отражает мои идеалы. Потому я его и выбрал.

«Я ведь, не просто так хочу отомстить. Я любил, любил этот мир, но был им предан. И пал ниже некуда. Разве что не в ад.»

— Я заметил это как только ты вошёл. Ты чем-то на него похож. Надеюсь, не закончишь, как он, — в голосе бога промелькнула усмешка вместо былой ярости.

Я поднялся, чувствуя странную тяжесть за спиной. Повернув голову — мои глаза расширились: алые, кроваво-красные крылья свисали у меня за плечами.

— Даже крылья... — с грустью усмехнулся бог.

В ту же секунду я ощутил перемены в теле: несмотря на вес, оно стало легче.

Уши уловили шум — я слышал разговор двух ангелов где-то далеко, метрах в ста. И Голоса снаружи.

Я с рождения был глух на левое ухо, а сейчас отлично слышу со всех сторон.

Зрение стало острее. Теперь я не только всё чётко видел без очков, но и стал видеть души. Душа ангела — яркий луч света, у бога — ослепительный белый огонь.

И ароматы: я почувствовал запах множества различных цветов и спирта.

Значит, в Раю пахнет цветами... и спиртом.

Появилось ощущение, будто у меня развилось шестое чувство. Я буквально ощущал всех живых поблизости, их жизненную энергию переливающуюся по телам — как вспышки в темноте.

Я задумался о своей душе и сосредоточился. Приложив ладонь к груди, попытался «увидеть» себя изнутри.

Тьма. Пульсирующая, и плотная. Из самого центра души лился нескончаемый поток тьмы, словно водопад. А вокруг неё цепи, что кружили как вокруг как кольца у Сатурна.

— Теперь ты её видишь? — спросил бог.

— Да. Теперь понимаю, почему на меня так смотрели, — прошептал я.

Несмотря на все перемены, мою голову пронзила дикая, резкая боль — словно кто-то пытался разорвать череп изнутри, готовый взорваться в любой момент...

Я не выдержал боли и потерял сознание.

— Ха. Он продержался гораздо дольше остальных. Остальные падали сразу. Ладно, отнесите его в Пустотень. А я пойду отдохну.

После того как бог дал указание своему секретарю, он направился к одной из дверей, замаскированных под окна.

— Люцифер, значит... Как бы этот парень не стал для нас проблемой в будущем. Бог уже не так мудр, как раньше. Надеюсь, всё будет хорошо, — секретарь потёр затылок и вздохнул.

Он перевёл взгляд с меня на дверь:

— Грэмиэль, сюда!

Дверь открылась, и в комнату вошла женщина в сером костюме. Увидев на полу парня с красными крыльями, она ахнула.

— Красные?! Разве это не...

— Грэмизель! Всё в порядке. Отнеси его в Пустотень. Я закончу дела и скоро прибуду туда сам, — громко и серьёзно отдал приказ секретарь, поправил очки.

— Есть!

Глава 5. «Тяжесть обучения.»

Очнувшись от боли, я обнаружил себя в ином пространстве — где то в глубинах подсознания.

Рядом со мной возвышался **тёмный я** — если это создание вообще можно было так назвать.

Наверное, это я сам, но без той притворной маски, которую ношу всегда.

Сам я сидел напротив, небрежно положив ногу на ногу, и смотрел вверх.

— Мда... — протянул тёмный я. — Какие же они глупцы. Поверили всему, как дети. Хотя нет — даже дети разумнее. А эти... купились на пару слов.

— Всё, как я и говорил, — ответил я. — От того ответа многое зависело. Я сразу понял: они мне не союзники, а лишь инструмент. Я уже думаю, что ничего не важно. Всё случится в точности, как в том сне.

— Значит, не забыл тот сон... Церковь, да? — тёмный я склонил голову.

— Она самая.

— Но это был всего лишь сон, — продолжил он. — Может, в реальности всё сложится иначе? Без крови, без боли...

— А может, ничего и не будет, — я пожал плечами. — Будущее туманно.

— Да, — он вздохнул. — Всё началось так внезапно.

Тёмный я присел рядом и осторожно положил палец на мой лоб.

— Лучше я сотру этот сон из нашей памяти — до своего возвращения.

— Что?! — я попытался отстраниться, но было поздно.

Из под его пальца хлынул тёмный свет, окутывая меня целиком. В следующий миг я исчез.

— Так будет лучше, — донёсся его голос. — Для нас обоих.

Очнувшись, я ощутил сильную головную боль — тупую, ноющую, где-то глубоко внутри. В сознании мелькнула тревожная мысль: «Что он стёр? И что теперь будет?»

— Что со мной случилось? Будто по голове чем-то ударили, — я провёл ладонью по затылку, нащупывая шишку. Кожа в том месте пульсировала тупой болью, а пальцы слегка дрожали.

— Став ангелом, ты потерял сознание. Может, тогда и ударился головой, — ответил ангел, стоявший рядом.

Он внимательно наблюдал, как я держался за больную голову, массируя виски в попытке унять гул в черепе. — Ничего в этом нет необычного. Все люди до тебя так же теряли сознание. Перестройка тела под сущность ангела даётся вам нелегко.

— А были люди, ставшие ангелами до меня?

— Да, были. Хотя сейчас это не так важно. Осмотрись: это **Пустотень**. Здесь отсутствуют такие фундаментальные понятия, как время и смерть. Поэтому место идеально подходит для задуманного — именно тут будут проходить твои тренировки. Впрочем, твоё тело уже заметно изменилось.

Я оглядел себя. На мне остались только штаны, торс был обнажён. Проведя рукой по груди, я ощутил непривычную рельефность мышц — твёрдых, упругих под пальцами.

Кожа стала гладкой, почти шелковистой, без единого шрама. И что важнее всего — я стал худым, даже подтянутым, с заметной мускулатурой.

«Сбылась мечта идиота... Но какова цена за такое удовольствие?» — пронеслось в голове.

— И какова цена такой силы?

— Цена? Когда ты умрёшь, ни рай, ни ад тебе не светят. Ангелы и демоны после смерти попадают в место, подобное этому, и просто сливаются с ним. Это всё, что нам известно. Итак, какие тренировки тебе нужны?

— Фехтование, ближний бой, магия, если она существует, а также знания.

— А я то думал: «Сила есть — ума не надо». Рад, что ошибался. А какие именно знания? Ангел, секретарь Бога, явно заинтересовался разговором — он не скрывал любопытства, чуть склонив голову набок. Его взгляд скользнул по моим рукам, будто оценивая новую силу.

— Всё, что есть, наверное: книги, манускрипты, записки и прочее.

— Вообще всё? Зачем тебе столько?

Я лишь улыбнулся, ощущая, как на губах появляется лёгкая, почти дерзкая усмешка.

— Вы же сами сказали, что здесь отсутствует время. Значит, сколько бы я ни готовился, на той стороне может пройти всего пара минут. Кстати, а сколько живут ангелы?

— Почти вечность. Самому старому сейчас около нескольких миллиардов лет — он был среди первых ангелов, сейчас работает в нашем архиве. Я как раз обращусь к нему за тем, что ты просил. Что то ещё нужно?

— Да. Моя верхняя одежда. Не помню, чтобы снимал её сам.

— А, это... Будет. Просто когда твоё тело начало меняться, она, наверное, сама сползла с тебя. Или Грэмиэль постаралась...

— Она тут при чём?

— У неё бывают... некоторые наклонности. Она же тебя сюда притащила.

По его лицу было видно, что такое действительно могло случиться.

«Она что, извращенка?» — подумал я. В голове роились странные теории: сожжение моих вещей во славу Бога, жадное обнюхивание их или использование в качестве куклы вуду.

— Ладно, я скоро вернусь, — сказал ангел.

Он создал золотой портал посреди Пустотени — тот вспыхнул тёплым, почти осязаемым светом, будто сотканным из солнечных лучей. Воздух вокруг задрожал, наполнившись лёгким гулом, похожим на шёпот далёких голосов. Ангел шагнул в него, оставив меня наедине с мыслями.

«Интересное место... Напоминает мне что то, — размышлял я, проводя ладонью по поверхности белого камня. Тот оказался гладким, прохладным, но без привычной шероховатости. — Если бы я помнил свой разговор с самим собой в подсознании, то сказал бы, что это место очень похоже на него. Может, Пустотень связана с находящимися в ней созданиями и показывает им что то личное? Хотя это не так важно».

Я бродил по тёмному пространству. Вокруг была тьма, но всё отлично просматривалось. Под ногами простирался белый камень — ровный, без единого камешка, уходящий к тёмному горизонту. Его поверхность не издавала ни звука при шагах, словно я ступал по мягкому ковру, хотя на ощупь он оставался твёрдым.

— А ведь погодите ка... У меня же есть крылья!

Вспомнив об этом, я повернул голову, чтобы посмотреть на спину, — но крыльев не было.

— Э? Где они?

Я глубоко вздохнул, ощущая, как воздух наполняет лёгкие непривычной чистотой, без запаха пыли или пота. И вдруг меня осенило.

— А может, это как в том аниме?

Сосредоточившись, я представил крылья на своей спине.

Виух!

Иза спины появились два красных крыла. Я тут же ощутил их вес — не тяжёлый, но ощутимый, тянущий плечи назад. Перья оказались гладкими, чуть прохладными на ощупь, с лёгким металлическим отблеском.

— Хех. Ну... Понеслась!

С самодовольной улыбкой я рванул ввысь, чувствуя, как воздух обтекает тело, а крылья отзываются лёгкой вибрацией при каждом взмахе.

Летя, словно птица, я рассекал пустоту. Подо мной простирался бескрайний мрак — густой, почти осязаемый, будто я парил над бездонной пропастью. Над головой — ни звезды, ни проблеска света, лишь абсолютная чернота, давящая на сознание. Но впервые в жизни я чувствовал настоящее счастье — оно разливалось по телу тёплой волной, наполняя каждую клеточку эйфорией.

Ветер, которого здесь быть не должно, обволакивал меня упругим потоком, слегка покалывая кожу. Я смеялся, как ребёнок, получивший первую игрушку, — громко, искренне, с хрипотцой в голосе. Смех эхом отдавался в ушах, смешиваясь с шумом воздуха, рассекаемого крыльями.

Крылья стали продолжением меня. Я ощущал их каждой мышцей, каждым нервом — они отзывались на малейшее движение, послушные, мощные. Бочка, мёртвая петля, исчезновение в воздухе — и вновь полёт, застывший в пространстве. Всё давалось с лёгкостью, будто эти движения жили во мне с рождения, ждали своего часа.

«Я парю. Я дышу. Я свободен.»

Воздух, чистый и свежий, наполнял лёгкие, вытесняя остатки тревоги. Каждое взмахивание крыльев отдавалось приятной вибрацией вдоль позвоночника, а поток воздуха под крыльями создавал ощущение надёжной опоры. Сколько раз, глядя на звёзды, я мечтал об этом — о полёте прочь от мира, от людей, от серой рутины. Теперь мечта стала реальностью, и я впитывал каждое мгновение, запоминая ощущение абсолютной свободы.

— Господин Зигфрид! — раздался голос снизу, резкий и отчётливый, нарушая гармонию полёта.

Я резко сложил крылья, отдаваясь гравитации. Падение оказалось стремительным — желудок подпрыгнул к горлу, а ветер засвистел в ушах. В последний миг я раскрыл крылья, гася удар: перья затрепетали, мышцы напряглись, принимая нагрузку. Приземлился в эффектной позе — словно герой фильма, с лёгким притоптыванием носком и горделивым выпрямлением спины.

Передо мной стоял ангел: белые волосы, строгий костюм, идеально выглаженная мантия. Он потрясённо смотрел на меня, приоткрыв рот. Я почувствовал на себе его изучающий взгляд — будто сканирующий, оценивающий.

— Вы уже летаете?! Обращённые ангелы тратят месяцы, а вы — за минуты! Это невозможно!

Я улыбнулся, складывая крылья — они послушно сложились за спиной, слегка щекоча лопатки.

— Как тебя зовут? Неудобно всё время звать «секретарём».

Ангел поправил очки — стёкла блеснули в тусклом свете — и склонил голову:

— Алиус. Я секретарь Бога и обращённый ангел, как и вы. Но как вы научились так быстро?! Я учился два месяца...

— Всю жизнь я чувствовал себя птицей с обрезанными крыльями, — я провёл ладонью вдоль перьев, ощущая их гладкую, чуть прохладную поверхность. — Получив их, просто не мог не попробовать. Поначалу было трудно — я не сразу понял, как распределять вес и ловить потоки. Но за час разобрался.

— Час? Здесь нет времени но... — Алиус покачал головой, и я уловил в его взгляде смесь восхищения и недоверия. — К делу. Вы можете взять из библиотеки всё, что нужно.

Я едва сдерживал улыбку — она так и норовила растянуть губы во весь рот.

— Правда?

— Архивариус хотел сам взглянуть на того, кто вознамерился прочесть всю библиотеку. Но я объяснил, что времени в обрез.

Хорошая новость. Теперь я смогу понять этот мир и свои силы. Сначала я изучил основы: крылья, полёт, принципы ангельской силы. Но один вопрос не давал покоя: как говорить с существами из других миров?

Алиус замер, его глаза расширились.

— Ты хочешь понять все языки?

— Есть что то, что может помочь?— Есть... но это опасно, — голос Алиуса дрогнул, в нём прозвучала тревога.— Я готов.

Он долго молчит, словно взвешивая мои слова. Затем тяжело вздыхает, и я слышу, как воздух со свистом выходит из его лёгких.

— Книга Люцифера, — наконец произнёс он почти шёпотом. — Он овладел всеми языками, но это свело его с ума: он слышал ложь, злобу, ненависть. Книга проклята — даёт дар речи, потом чтение мыслей, затем видение сути существ. Знание делает богом, но разрушает.

Я на мгновение замер, ощущая, как по спине пробежал холодок. Но внутри что-то подсказывало: это мой шанс.

— Принеси её.

Алиус вздрагивает, его глаза расширяются от ужаса.— Ты в своём уме?!— Просто принеси.

Ангел колеблется, нервно тербит край мантии, затем исчезает. Через несколько мгновений он возвращается с древней книгой в тёмной обложке.

Кожаный переплёт потрескался от времени, края страниц пожелтели, а по корешку шла едва заметная трещина, будто рана.

Я протягиваю руку, ощущая исходящий от книги жар — не обычный, а какой-то вязкий, тревожный. Пальцы замирают в сантиметре от обложки, и я убираю руку.

— Не буду читать. Перепишу.

— Что?! — голос Алиуса срывается на изумлённый возглас.

— Если просто записывать, информация откладывается подсознательно. Создам чистую версию.

Я беру перо и начинаю кропотливо копировать символы. Каждый знак кажется живым — они будто шевелятся под взглядом, пытаются ускользнуть от пера. Мои пальцы постепенно чернеют от чернил, спина затекает от долгого сидения, но я не останавливаюсь.

Час за часом я копирую символы, чувствуя, как в голове постепенно выстраивается странная мозаика языков. Звуки, запахи, образы — всё это смешивается в единый поток, но не захлёстывает меня, а аккуратно укладывается в памяти.

Когда заканчиваю, в руках — точная копия Книги Люцифера, но без проклятия. Бумага чистая, чернила свежие, а от переплёта не исходит того тревожного жара.

Алиус ошеломлён. Он смотрит на меня, приоткрыв рот, его рука непроизвольно тянется к груди, будто он пытается унять учащённое сердцебиение.

— Ты даже не читал её... но говоришь на всех языках?!

Я оборачиваюсь к нему и произношу фразу на ангельском — слова льются легко, будто всегда были частью меня. Алиус вздрагивает, его глаза округляются ещё сильнее.

— План сработал, — я пожимаю плечами, стараясь скрыть триумф. — Я просто не люблю читать.

«Пока учился в колледже, я был непобедим в быстром написании конспектов, и часто из-за этого уходил домой пораньше.»

В воздухе повисает тишина. Я чувствую, как напряжение постепенно покидает Алиуса, сменяясь смесью восхищения и недоверия. Он качает головой, будто пытаясь осознать произошедшее.

— Ты... ты гений, — наконец выдыхает он.

Я лишь улыбаюсь в ответ. Внутри разливается тепло удовлетворения — не от успеха, а от осознания, что у меня наконец-то, начинает хоть что-то получаться.

Через пару дней Алиус встречает меня с серьёзным видом. Его крылья аккуратно сложены за спиной, руки скрещены на груди, а в глазах читается сосредоточенность.

— Тебе нужно научиться обращаться с оружием. Сначала — создать его.— Создать? — я удивлённо приподнимаю бровь.— Ты ангел. Материализация — базовая способность.

Он протягивает руку — вспыхивает яркий свет, почти ослепляющий, и в воздухе формируется клинок: серебристое лезвие мерцает холодным блеском, а позолоченная рукоять переливается в незримом свете. Алиус берёт оружие — металл тихо звенит, отдаваясь лёгкой вибрацией в воздухе.— Направь силу в руку, представь оружие, — его голос звучит твёрдо, уверенно.

Я сосредотачиваюсь. Внутри что-то просыпается — словно глубинный источник энергии пробуждается, пульсирует в кончиках пальцев. Представляю катану: в ладони возникает тёплое свечение, нарастает напряжение... вспышка! Но оружие трескается с сухим хрустом и рассыпается в прах у меня на глазах.

— Слишком много энергии, нет фиксации, — спокойно комментирует Алиус. — Попробуй снова.

На второй раз катана держится. Я осторожно провожу пальцем по лезвию — холодное, гладкое, настоящее. Металл слегка звенит от прикосновения, а рукоять удобно ложится в ладонь, будто создана специально для меня.

— Теперь копье, — говорит Алиус. — В бою важна гибкость. Вспышка — и в руке возникает копье с серебряным наконечником. Я кручу его, оценивая баланс: вес распределён идеально, наконечник ловит свет, отбрасывая блики на каменный пол.

— Проверим в бою. Нападай.

Я бросаюсь вперёд — Алиус легко уклоняется, его движения плавные, отточенные. Ещё выпад — снова промах. Меняю оружие на катану: удар сверху — блок, выпад — уклонение. Пот выступает на лбу, мышцы напрягаются, дыхание учащается.

Вдруг твёрдое бьёт в бок — резкий, колющий удар заставляет меня отлететь в сторону. Я падаю на холодный каменный пол, тяжело дыша, чувствуя, как пульсирует место удара.

Алиус опускает меч. Его крылья слегка подрагивают, но сам он стоит ровно, без тени усталости.

— Ты быстрый, но без опыта. Удары мощные, но тратишь слишком много энергии. Нет стратегии, — его голос звучит ровно, без насмешки, но в нём слышится доля наставничества.— И что делать? — я поднимаюсь, отряхивая штаны, и пытаюсь выровнять дыхание.— Я покажу путь.

И снова бой не в мою пользу.

Я всё ещё тяжело дышу после боя. Алиус даже не вспотел — его лицо спокойное, взгляд внимательный.

— Для новичка неплохо, — говорит он. — Но этого мало.

— Будешь меня избивать, пока не стану быстрее? — я криво усмехаюсь, потирая ушибленный бок.

— Есть способ эффективнее, — он улыбается уголком рта, и в его глазах мелькает что-то вроде одобрения.

Он протягивает руку — в воздухе возникает золотой экран с мелькающими символами. Они мерцают, словно живые, перестраиваются, складываясь в сложные узоры. От экрана исходит едва заметное тепло, а воздух вокруг него слегка дрожит, как над раскалённым камнем.

— Тренировочная система Пустотени. Здесь ты будешь сражаться с фантомами — копиями ангелов, демонов и героев. Они созданы для тренировок, без воли.— И мне нужно их побеждать?— Не всё так просто, — Алиус проводит пальцем по экрану — символы вспыхивают один за другим, отбрасывая цветные блики на его лицо.

Я внимательно смотрю на символы. Алиус неторопливо обводит взглядом экран, словно давая мне почувствовать вес каждого ранга.

— Это уровни сложности, — произносит он, и в его голосе звучит непривычная твёрдость. — Каждый новый уровень не просто добавляет силы — он меняет саму природу боя.

Он касается первого символа, и тот вспыхивает тусклым оранжевым светом.

— Ранг «Бес». Самый начальный. Эти фантомы — словно деревянные манекены. Медленные, предсказуемые, без малейших проблесков сознания. Их движения примитивны: прямой удар, блок, шаг назад. Никакой магии, никаких уловок. Они нужны, чтобы ты почувствовал вес оружия, научился держать дистанцию, понял, как тело реагирует в бою.

Символ гаснет, и Алиус переходит ко второму. Лазурное свечение окутывает знак «Демона».

— Здесь всё меняется. Фантомы обретают зачатки разума. Демоны начинают плести заклинания хаоса — короткие вспышки тьмы, вихри, сбивающие с ног.

Ангелы используют магию света: ослепляющие вспышки, защитные барьеры. Герои... — он усмехается, — пробуждают свои врождённые таланты. Может появиться ускоренная реакция, неожиданная ловкость или способность к кратковременной регенерации. Ты уже не просто бьёшь по мишени — ты реагируешь на угрозы.

Третий символ — багровый, с пульсирующими прожилками — заставляет воздух вокруг задрожать, а кожу покалывать от статического электричества.

— «Архидемон». Настоящее испытание. Здесь фантомы действуют как живые существа. Ангелы владеют светлой магией в совершенстве: исцеление, усиление, световые копья, способные пробить броню. Демоны обращаются к хаосу во всей его разрушительной мощи — пространственные разрывы, проклятия, теневые клоны. Герои раскрывают легендарные навыки: один может управлять стихиями, другой — исказить время на краткий миг. Каждый бой становится шахматной партией, где ошибка стоит жизни.

Наконец, его палец замирает над четвёртым символом — чёрным, с алыми всполохами, напоминающими пламя в угольной яме. От него исходит едва уловимый жар, будто рядом открыли печь.

— «Дьявол». Они выходят за пределы своей природы. Ангел может использовать демоническую магию, демон — свет, герой — сочетать не сочетаемое. Они мыслят. Анализируют. Подстраиваются под твой стиль, находят слабые места, работают в команде, если их несколько. Они знают все приёмы, все уловки, все смертельные комбинации. На этом уровне нет места самонадеянности. Только хладнокровие, опыт и абсолютная концентрация.

Я сглатываю. В груди шевелится холодок — но не страха, а предвкушения. Ладони слегка потеют, а сердце бьётся чуть чаще.

— Выходит, ты хочешь, чтобы я начал сражаться с ними?

Алиус ухмыляется, и в этой улыбке мелькает что-то хищное.

— Конечно. Это лучшее, что я могу предложить для твоего обучения. Здесь ты либо станешь сильнее, либо поймёшь, насколько далёк от истинной силы.

Я снова смотрю на экран. Символы мерцают, будто дышат, и каждый словно шепчет: «Попробуй».

— И что, мне сразу драться с «Дьяволами»?

Алиус коротко, резко смеётся.

— Ты с ума сошёл? Твой уровень сейчас — «Бес». Давай начнём с того, что ты точно сможешь победить. А потом... потом будем подниматься.

Он нажимает на символ первого ранга. Воздух в центре зала задрожал, сгущаясь в вихрь тусклого света. Передо мной начинает формироваться фигура — сначала бесформенная, словно вылепленная из тумана, затем обретающая чёткие очертания.

Высокий воин в простых, без украшений, доспехах. Меч в его руках лежит неподвижно, словно ждёт команды. Я подхожу ближе — металл доспехов холодный, матовый, без отблесков. Лицо — лишённое эмоций, взгляд — пустой, как у статуи. От фигуры исходит слабый запах железа и пыли.

— Вот твой первый соперник, — говорит Алиус, отступая на шаг. — Он медленный, неуклюжий, не использует магию. Никаких сюрпризов. Давай. Покажи, чему научился.

Я сжимаю рукоять катаны. Металл отзывается лёгким гулом, будто вторя биению сердца. Глубоко вдыхаю — воздух здесь сухой, без запахов, — ощущая, как энергия растекается по мышцам, наполняя их силой. Ладонь плотно обхватывает рукоять, пальцы чуть покалывает от предвкушения боя.

Шаг вперёд. Клинок чуть приподнят. Пора.

От лица Алиуса

Я приходил сюда каждый день.

Каждый день я видел, как этот человек сражается, терпит поражения, встаёт и продолжает идти. Поначалу я думал, что он сломается после первых же боёв — все новички так. Но он не сдавался.

Каждое утро он встречал меня с широкой улыбкой. Позитивный, уверенный, даже шутил. «Ну что, наставник, сегодня будем бить фантомов или они нас?» — и смеялся так искренне, что невольно улыбался в ответ. Его энергия была заразной — казалось, он не воспринимает тренировки всерьёз.

Но вечером...

Вечером я видел перед собой ходячего мертвеца. Изрезанного, окровавленного, измученного до предела. Одежда пропитана потом и кровью, на коже — десятки порезов, некоторые ещё кровоточат. Он едва держался на ногах, пошатываясь, но всё равно пытался выпрямиться, когда я подходил ближе.

В его глазах не было ни капли жизни — только вымученная ухмылка. Ухмылка человека, который каждый день умирал. И я понял главную вещь: мы связались с настоящим психом!

Так прошло 50 лет в Пустотени. Снаружи минули считанные минуты, но для него это была почти целая жизнь. Я не понимал, как он выдерживал это. В обычных тренировках новички падают после десятка боёв, а он продолжал сражаться до тех пор, пока мог стоять.

И когда его тело больше не слушалось, когда кровь уже покрывала его одежду, он просто садился на землю... и начинал читать.

Книги, свитки, записи древних стратегий, тактики боя, труды философов, магические трактаты — всё, что можно было найти в архиве. Я наблюдал, как за его спиной постепенно вырастала гора прочитанного. Он брал новый свиток, разворачивал его дрожащими руками, вчитывался, иногда что то бормотал себе под нос, делал пометки на полях.

Если так пойдёт дальше, то он станет вторым существом за всю историю, прочитавшим эту библиотеку.

Но что поражало больше всего — это его фантомные бои. Фантомы были созданы ангелами во времена войны с демонами. Они обладали схожими с ними способностями, были стратегически умны, адаптировались к стилю противника. Но этот парень... нет — это чудовище... Он каждый раз находил новые способы победить.

И сейчас он сражается с тысячей фантомов. Они разных уровней сложности — от простых «Бесов» до «Дьяволов». Система тренировок позволяла фантомам адаптироваться, учиться, но он... он тоже учился.

Битва больше напоминала шахматную партию. Только на чёрной стороне было всё войско: пешки — «Бесы», кони и ладьи — «Демоны», слоны — «Архидемоны», ферзь — «Дьявол». А на белой — одна единственная фигура — Королева.

Он двигался с невероятной точностью. Один взмах катаны — и три «Беса» рассыпаются в прах. Шаг в сторону — уклоняется от огненного шара «Демона». Ещё движение — и он уже за спиной «Архидемона», наносит точный удар в уязвимое место. Он не просто сражался — он просчитывал ходы наперёд, использовал окружение, заставлял фантомов сталкиваться друг с другом.

Теперь я понял, почему Бог доверился ему. У него чудовищная сила духа. Он умирал снова и снова — и всякий раз вставал. Продолжал. Без криков, без жалоб. Просто шёл вперёд, будто внутри него горел невидимый огонь, который не гас ни от боли, ни от отчаяния.

Я стоял в стороне, наблюдая за этой битвой, и чувствовал, как по спине пробегает холодок восхищения. Любой другой давно бы сломался. Но не он.

Когда битва наконец закончилась, фантомы рассеялись, оставив после себя лишь мерцающие искры. Он опустился на колени, тяжело дыша, но даже сейчас на его лице появилась та самая улыбка — усталая, но всё такая же непоколебимая.

— Ну что, Алиус, — прохрипел он, поднимая взгляд, — завтра продолжим?

Я лишь молча кивнул. В горле пересохло. Я знал ответ. Конечно, продолжим. И завтра, и послезавтра. Потому что этот человек не остановится. Никогда.

В какой то момент я не выдержал:— Откуда у тебя такая сила?

Он улыбнулся — но улыбка вышла бледной, как отблеск угасающей свечи. Кожа у него была серой от усталости, под глазами залегли глубокие тени, а на виске пульсировала тонкая вена. Голос звучал тихо, почти безжизненно:— Мечта.

— Мечта?

— Мечты — двигатель всего. Они дают людям силы совершать невозможное. Какими бы нереальными они ни были.

Его взгляд скользнул в сторону, стал туманным, будто он смотрел не в зал Пустотени, а куда то далеко — в прошлое, в места, которых я никогда не видел. В этот миг он казался не ангелом и не человеком — кем то между, существом, потерявшим связь с одним миром и ещё не нашедшим место в другом.

— Я хочу быть свободным. Мне надоело подчиняться чужим правилам. Всю жизнь я существовал, но не жил. Был пешкой в системе, которая меня душила. Теперь...теперь я могу найти своё место.

Он тяжело вздохнул. В этом вздохе было столько невысказанного — горечи, тоски, одиночества, — что мне стало не по себе. Я невольно сжал кулаки, ощутив, как внутри что то дрогнуло.

— Там, на Земле, у меня никогда не было настоящего дома. Мне нечего защищать. Я просто пытался найти... что то. Хоть что то.

Я задумался. В тишине было слышно только его прерывистое дыхание и отдалённое гудение Пустотени — будто сама реальность здесь дышала размеренно и равнодушно. Потом, сам не зная почему, произнёс:— Дом — это там, где о тебе думают.

Он резко повернул голову, уставился на меня — в глазах мелькнуло удивление, потом лёгкая усмешка.

— Какая знакомая цитата.

Я усмехнулся:— Да. Обновил информацию. Раз ты такой знаток восточной культуры.

Он засмеялся.

Но в смехе была горечь. Настоящая, неприкрытая шуткой. Она царапнула меня изнутри, заставила ощутить его боль почти физически.

Я решил сказать ещё кое что — то, что давно вертелось на языке:— Твоя свобода заканчивается там, где начинается свобода другого человека.

Он поднял взгляд. Замер.— ...Так говорила моя мама, — тихо добавил он.

Я не знал, что сказать. В груди что то сжалось, а в горле встал ком.— Мудрая женщина.— Да... была.— Когда покончишь с виновными, не вернёшься к ней?— Нет. Не вернусь.— Почему?— Я ушёл не просто так. В том мире я не чувствовал себя счастливым. И я туда не вернусь.

Он повернулся ко мне, посмотрел прямо в глаза — и в этом взгляде не было ни злости, ни обиды. Только холодная, выстраданная ясность, словно он прошёл через огонь и вышел с другой стороны, оставив позади всё, что когда то держало его.

— У меня теперь свой путь. Я хочу жить так, как я этого хочу. И, сделав дело, найду себе мир по душе.

Я понял, что переубедить его невозможно. Что то в нём уже изменилось — необратимо. Он больше не искал одобрения, не ждал разрешения. Он уже шёл. И ничто не могло его остановить.

На мгновение мне показалось, что я вижу не израненного, измученного воина, а того, кем он станет: фигуру, окутанную светом и тенью одновременно, стоящую на перекрёстке миров. Его крылья, ещё недавно хрупкие и неуверенные, теперь казались могучими, готовыми к долгому полёту.

— Ты действительно изменился, — произнёс я тихо.— Да, — он кивнул. — И это только начало.

В зале снова повисла тишина. Но теперь она не казалась пустой. В ней звучало обещание — обещание пути, который он выбрал. И я вдруг осознал, что готов идти рядом с ним. Хотя бы какое то время.

А еще. Что очень хочу сразиться с ним.

Глава 6. «Финальный экзамен.»

Ещё 10 лет спустя.

Я не знаю, сколько времени прошло. Дни? Годы? Десятилетия?

Время здесь не течёт — оно застыло, как смола, в которой тонет муха. Я забыл, как выглядит луна. Как сверкает солнце. Забыл дуновение ветра, запах дождя, холод зимы и жар лета. Я забыл даже вкус еды, и человеческую жизнь.

Здесь, в Пустотени, есть только три вещи: тьма, кровь и боль.

Поначалу мне было ужасно страшно и больно. Каждая рана, пусть даже царапина, вгоняла меня в ужас. Я сразу представлял себе ужасную кровоточащую рану, от чего начиналась паника. На глазах появлялись слёзы. Я хотел просить пощады.

Но чем дальше я заходил, тем страшнее были мои последующие раны. И я... я просто начал привыкать.

Возможно, дело в знании, что я не могу умереть здесь. Или что то внутри меня проснулось — не знаю. Но я начал умышленно подвергаться увечьям: то под клинок подставлюсь по самую рукоять, то руки погрею в тепле огненного шара.

И не только моя психика перестала ощущать опасность — моё тело тоже начало меняться.

Клинки уже не могли поразить мою огрубевшую кожу как раньше: они лишь слегка задевали меня, не пуская даже крови. Стихии — огонь или молния — всё ещё жгли и парализовали, но уже в гораздо меньшей степени. Шока больше не наступало, и я спокойно мог продолжать бой. Со временем раны просто затягивались, какими бы они ни были.

Кости, которые я неисчислимое количество раз ломал, превратились в броню — стали настолько прочными, что я мог голыми руками отражать оружие. Удары, которые раньше сломали бы мне руку, теперь лишь вызывали глухой стук, отдаваясь вибрацией в плечах.

Яды и проклятия, что использовали фантомы демоны и герои, сотрясали мой организм как ничто другое. Яды превращали мою кровь в пламя и заставляли буквально захлёбываться в крови. Проклятия лишали органов чувств и заставляли отказывать органы: я слеп, терял слух, не мог дышать, был парализован. Я испытал на себе весь спектр эмоций и ощущений от невыносимых страданий.

И мой организм начал вырабатывать иммунитет.

А всё потому, что я просто не умирал.

Я сбился со счёта после тысяч возможных смертей, наблюдая, как меняется мой организм — от Затворника Одиночки с лишним весом до настоящей Машины Войны.

Мои глаза не потеряли зоркости, но весь мир постепенно выцветал. Всё стало серым. Кроме крови. Она всегда была ярко алой — густой, липкой, тёплой на ощупь. Она напоминала, что я ещё жив. Она напоминала, ради чего я сражаюсь.

В перерывах между боями я погружался в изучение архива. Пыль веков оседала на моих плечах, пока я перелистывал свитки, исписанные забытыми языками. Я изучил всё, что смог найти в библиотеке архива: материализация; управление пространством и временем; гравитация.

Я коснулся даже того, к чему другие не смели приблизиться.

Явления. Сознание. Суть.

Эти три слова — не просто термины. Это границы, за которыми кончается разум и начинается безумие. Даже ангелы и демоны боялись их. Они знали: неосторожное прикосновение

может: уничтожить вселенную; заикнуть реальность в одной точке — как сломанная программа, которая бесконечно проигрывает один и тот же код.

Но я изучил их. Пусть даже на грани понимания. На грани того, чтобы потерять себя.

Когда я впервые применил «Ревёрс», пространство вокруг задрожало, словно натянутая струна. Стены Пустотени пошли рябью, а тени стали слишком густыми, слишком... осмысленными. Я почувствовал, как что-то древнее и равнодушное скользнуло по краю моего сознания. Но я удержал контроль.

Каждый новый навык давался ценой боли. Когда я научился замедлять время, первые попытки вызвали мигрень, от которой я неделю не мог встать. Управление гравитацией на несколько часов парализовало меня, а материализация предметов оставляла после себя ощущение опустошённости, будто кто-то высасывал из меня жизнь.

Но я продолжал. Потому что знал: каждый шрам, каждая новая способность — это шаг к свободе. К тому миру, который я найду для себя. К той жизни, которую я заслуживаю.

Теперь, когда я стою на краю этого пути, я чувствую, как во мне уживаются две сущности: человек, помнящий вкус дождя и тепло солнца, и Машина Войны, созданная Пустотенью. И я не знаю, какая из них в итоге победит. Но я готов принять любой исход — лишь бы не вернуться к тому, кем я был когда-то.

У меня есть козыри на случай, если всё пойдёт не так. Я знаю, как разорвать петлю во времени. Знаю, как выйти за пределы сломанной реальности. Но это знание — как яд. Оно жжёт изнутри, будто капля кислоты, медленно разъедающая душу.

Конечно, я мог выбрать более лёгкий путь. Меня отговаривали.

Алиус смотрел на меня с тревогой, когда я забирал из архива свитки с чёрными печатями. Его пальцы дрожали, когда он протягивал мне свиток, а голос звучал хрипло:— Ты понимаешь, что это может тебя уничтожить?— Понимаю, — отвечал я, беря свиток. Кожа на пальцах покалывала от едва ощутимого электрического разряда, исходящего от чёрной печати. — Но иначе нельзя.

Я не герой. Я не спаситель. Я просто человек, который однажды понял:

Чтобы стать сильнее, нужно пройти через ад. Чтобы увидеть свет, нужно заглянуть в самую глубь тьмы.

«Я слабак. И это правда. Я боялся. Боялся боли, боялся смерти, боялся, что всё это окажется бессмысленным. Но именно потому, что я слабак, я не мог смириться. Слабак не выживет. А я хотел выжить. Хотел не просто существовать — жить.»

Поэтому я шёл вперёд. Падал. Вставал. Снова падал. И снова вставал. Потому что знал: тяжело в учении — легко в бою.

Вспоминаю, как впервые ощутил гравитацию — не как абстрактную силу, а как нить, которую можно ухватить пальцами.

Как пространство поддалось моему волевому усилию, искривляясь вокруг меня. Как время замедлилось, когда я сосредоточился, и я увидел каждую каплю крови, застывшую в воздухе, прежде чем она упала на каменный пол.

Каждый раз, когда я касался запретных знаний, мир вокруг меня менялся. Стены Пустотени начинали пульсировать, будто дыша, а тьма приобретала оттенки — не цвета, а ощущения: тревоги, восторга, ужаса. Я научился различать их, как музыкант различает ноты.

Иногда по ночам — если здесь вообще есть ночи — я сажусь у стены и закрываю глаза. Я пытаюсь вспомнить. Запах свежескошенной травы. Звук смеха ребёнка. Тепло руки, держащей мою. Но воспоминания ускользают, становятся размытыми, как рисунки на песке во время прилива.

И тогда я открываю глаза и смотрю на свои руки. На мозоли от рукояти меча. На шрамы, пересекающие кожу. На капли крови, которые не смываются, будто въелись в поры. Это мои ориентиры. Мои доказательства того, что я всё ещё здесь. Что я всё ещё борюсь.

Однажды я выйду из этой тьмы. Не как победитель. Не как герой. А как человек, который не сдался. Человек, который прошёл через ад и сохранил в себе искру человечности. И пусть мир выцвел, пусть остались только серый и алый — я найду способ вернуть остальные цвета.

Потому что я больше не тот, кто когда то пришёл сюда. Я изменился. И теперь я знаю: сила — это не отсутствие страха. Сила — это действие вопреки ему.

Через некоторое время Алиус связался со мной.

— Тебя ждёт последний экзамен — бой со мной. По настоящему, а не наши детские игры, что были ранее.

Но на этот раз всё будет иначе.

Посреди Пустотени открылся портал, и из него вышли две фигуры. Это был Бог со своим секретарём Алиусом.

— Здравствуй, — голос Бога звучал мягко, но в нём чувствовалась сила, от которой слегка вибрировал воздух. — Алиус так много рассказывал о твоих тренировках и о том, как хочет с тобой сразиться. Вот я и решил взглянуть. Надеюсь, после мы поговорим о «деле». — Хорошо, — коротко ответил я.

Сейчас я стоял в полном обмундировании. Изучая магию материализации, я не мог не задуматься о броне. Экспериментируя с материалами и их устойчивостью, я создал себе лёгкую, но очень прочную броню, способную защитить меня от магии.

Внутренняя часть брони гасила физический урон — я слишком хорошо помнил, как звонко хрустят кости под ударами фантомов. Кроме того, в броне удобно хранить амуницию: ножи, бомбы и даже колбу с водой из Святого Грааля — я вычитал о ней в одной из книг и попросил Алиуса достать хотя бы маленькую колбу.

— Ну что? На этот раз ты лучше подготовился? Последний раз был неплох. Но ты быстро расслабился и потерял бдительность, — Алиус ухмыльнулся, его крылья слегка подрагивали от предвкушения. — Да знаю я! — ответил я, на этот раз предельно серьёзен.

Прежде я сражался по пояс обнажённым, в одних чёрных брюках. Теперь же тело укрывала чёрно-красная броня с изображением дракона на груди. Материал выглядел необычно: броня двигалась в такт дыханию владельца, словно вторая кожа. Остальную часть тела скрывал чёрный плащ, края которого слегка колыхались, будто от невидимого ветра.

— Начнём! Святые копья! — Алиус выпустил из своей руки множество священных копий в мою сторону.

Я не двигался до последнего момента — пока не исчез в свете, который излучали копья.

— Реверс!

Копья, летевшие в меня, на мгновение остановились, затем развернулись в обратную сторону и полетели в ошеломлённого Алиуса. — Что за... — он едва успел выставить руки вперёд, концентрируя магический барьер.

«Он каким то способом отразил мою атаку в меня же, — подумал Алиус. — Но меня больше интересует то, что он использовал. Он назвал это Реверс». Он будто искажил пространство перед собой и перенаправил мою атаку в меня же. Причём ускорил её!»

Пока Алиус пытался осознать происходящее, я оказался у него за спиной. — Копья света! — выкрикнул я, выставив руку возле барьера.

Множественные копья появились прямо за барьером Алиуса, нацеленные снизу вверх. Но нечеловеческие рефлексы позволили ему вовремя среагировать — он отпрыгнул назад, увернувшись от копий, устремившихся ввысь.

Я продолжал прессинг, не теряя ни секунды. Создав длинный меч в руке, я столкнулся в клинче с Алиусом, который сделал то же самое. — Что такое «Реверс»? Я не видел раньше ничего подобного. Отражающее заклинание? — спросил он. — Не совсем. Хочешь узнать? Попробуй снова атаковать меня.

Алиус не поддавался провокации. Расцепившись из клинча, он сделал шаг назад и снова бросился на меня, добавив магией скорости и покрыв меч святой аурой.

Это был его излюбленный метод. Алиус специализировался на скоростных физических атаках — его клинок был быстрее, за ним не поспевали ничьи глаза. И даже я, несмотря на полную концентрацию на клинке противника, едва успевал реагировать.

И вот он уже в сантиметре от моего лица.— Реверс, — пространство вновь исказилось, и меч будто отскочил.

Тиф — прозвучал глухой звук, когда я пнул ногой Алиуса в живот, от чего тот отлетел на десяток метров.

Не замедляясь, я схватил меч двумя руками и выполнил пируэт в прыжке, желая вонзить клинок в своего врага. Но Алиус увернулся в последний момент.

Я не снижал напор. Алиус теперь лишь защищался. *«Он не даёт мне и секунды на передышку, — думал Алиус, отражая бесчисленные атаки. — Полная концентрация! Не допускай в своих движениях ни единой ошибки!»*

Я видел бреши в каждой стойке своего оппонента и сразу же туда бил.— Я вижу, ты отточил мастерство фехтования. Но ты ведь знаешь, что мы способны на большее, — сказал Алиус и оттолкнул меня магической волной.

Не мешкая, я сделал сальто и приземлился на ноги.— Посмотрим, как ты усвоил этот урок, — произнёс ангел.

Время вокруг замедлилось. Снова. Я уже испытывал это чувство: во многих сражениях Алиус немного мухлевал, исчезая за мгновение до удара и нанося последний выпад.

Так и сейчас: Алиус исчез и за мгновение оказался за моей спиной. Я всё ещё стоял спиной к нему, направив меч туда, где уже никого не было.

— Ты каждый раз совершаешь одну и ту же ошибку, — прозвучал его голос у меня за спиной. — Мы, ангелы, способны останавливать время, менять реальность и исказить само пространство. Мы способны изменять саму судьбу, если захотим. И я вижу, что ты многому научился. Ты растёшь в огромной прогрессии, и я рад. И поэтому я не хочу, чтобы ты зазнавался и всегда был осторожен. Прости меня.

Алиус занёс клинок за моей спиной и взмахнул им. Удар достиг цели, и я упал на землю. — Ты прои...

Он не успел договорить, как вдруг моё тело исчезло.— Я так не думаю, — произнёс я, поднося клинок к горлу Алиуса и находясь позади него.— Что? — удивился тот.— Ты думаешь, я не читал обо всех способностях в тех многочисленных книгах, что просил?

Алиус щёлкнул пальцами, держащими меч, но ничего не произошло.— Что? Не можешь использовать способности? Да, я понял, что ты используешь «читы» с самого начала! Но пытался победить тебя своими силами. Ты не прекращал использовать всякие грязные штучки — пришлось импровизировать.

— А ты всё время удивляешь, — улыбнулся Алиус, испаряя клинок.— Так я победил?— Да.— Вот и ладненько, — испарив меч, я улыбнулся.

На меня нахлынула резкая слабость, и я почувствовал, как теряю сознание. Мир вокруг поплыл, звуки стали глухими, а очертания предметов размылись.— И всё таки я победил... — это были мои последние слова перед тем, как я отключился.

Тьма окутала меня, но сквозь неё пробивался далёкий голос Алиуса:— Он справился. Действительно справился...

Вокруг воцарилась тишина. Только мерное дыхание Алиуса и едва уловимое потрескивание остаточных магических энергий напоминали о только что закончившемся сражении.

— Это было великолепное сражение, — произнёс Бог, и голос его, мягкий, но весомый, наполнил пространство. — Но кто победил? Алиус тяжело вздохнул, и в этом вздохе прозвучала горькая усмешка:— Он.— И как он? — спросил Бог, слегка склонив голову.— Очень

силён, — ответил Алиус, задумчиво проводя рукой по воздуху, словно ощупывая следы минувшей битвы. — У него было огромное количество шансов меня победить. Но он решил переиграть меня в моей же игре.

Бог и Алиус погрузились в обсуждение, разбирая каждый ход, каждую деталь сражения. Их разговор тёк плавно, словно река, несущая в своих водах тайны мироздания.

Ни тот, ни другой не заметили, как Зиг медленно приподнялся. Он сел, внимательно осматривая свои руки, будто впервые видел их. Кожа на пальцах казалась тоньше, просвечивали тёмные линии вен, а ногти приобрели странный металлический блеск. — Цепи мои становятся всё хрупче, а кандалы разваливаются на части... — прошептал он.

Но это был уже не его голос. Не голос измождённого мальчишки, едва держащегося на краю отчаяния. Это был звук, рождённый в глубинах первобытного хаоса — звериный рык, переплетённый с шипящим змеиным свистом.

Бог и Алиус резко обернулись. Их взгляды застыли на юноше, и в глазах обоих вспыхнуло неподдельное удивление.

Тело Зигфрида окутала тёмная аура — не просто тень, а живая субстанция, пульсирующая и извивающаяся, словно пламя, пожирающее своего носителя. Она не обжигала, но внушала леденящий ужас, будто сама тьма решила обрести форму.

А глаза... Два кроваво красных омота с узкими чёрными зрачками, напоминающими звериные, пристально смотрели на дрожащие ладони. В них не было ни капли человечности — лишь холодная, безжалостная сила.

— Если он будет использовать свои силы и дальше, я скоро выберусь окончательно. Уяснили? Придурки! — голос прозвучал резко, как удар хлыста, и взгляд мгновенно переместился на Алиуса и Бога.

— Что ты такое? — спросил Бог, и в его тоне впервые зазвучала неприкрытая опаска. — Я — то, что лучше не трогать, — прозвучало в ответ, медленно и размеренно, словно каждое слово было камнем, падающим в бездну. — А вы довели парня до предела. И, видимо, я сумел просочиться сквозь маленькую щёлочку, пока тот спит.

— Ты хоть понимаешь, с кем говоришь, а? — голос Алиуса дрогнул от гнева, но в нём уже сквозила тревога.

Вжих!

На груди Алиуса внезапно появилась огромная кровоточащая рана — словно невидимый клинок рассек плоть одним неумовимым движением. — Не ори, животное, — произнёс незнакомец, и в его голосе не было ни злобы, ни торжества — лишь ледяное равнодушие.

Зигфрид — или то, что сейчас занимало его тело, — даже не шевельнулся. Ни единого движения, ни намёка на усилие. Всё произошло без видимого действия, будто сама реальность подчинилась его воле.

Алиус рухнул на землю, схватившись за грудь. Бог бросился к нему, пытаясь исцелить рану своей божественной силой, но... — Не выйдет, старче, — прозвучало с холодной усмешкой.

Бог распахнул рубашку Алиуса и замер. По ране расплзлось тёмное пламя — не обычное, не демоническое. Оно пульсировало, словно живое, впитываясь в плоть, но не сжигая её. — Это не демоническая сила. Что... Что ты такое? — в голосе Бога прозвучала редкая для него растерянность.

— Я лишь мимолётный образ, тень на земле, всё и ничего, — произнёс незнакомец тихим, почти гипнотическим голосом, проникающим в самые глубины сознания. — Я — тьма, что покрывает свет, и пустота, что заполняет всё вокруг.

Его слова лились, как чёрный мёд, обволакивая разум, заставляя слушать, впитывать, поддаваться. — Если хочешь спасти своего парня, слушай, — продолжил он, и в его тоне появилась странная, почти заботливая нотка. — Печать начинает ломаться. Ему не нужно знать обо

мне, но предупреди его: если он будет и дальше впадать в отчаяние и мрак, она рухнет, и тогда его уже будет не спасти. И главное... Он не должен снова почувствовать любовь. Ведь нет худшей боли, чем снова испытать её.

С этими словами сущность, захватившая тело парня, словно растворилась в воздухе. Её присутствие исчезло так же внезапно, как появилось. А тело рухнуло на землю.

Рана на теле Алиуса перестала покрываться тёмным пламенем. Края её медленно стягивались, оставляя лишь бледный шрам — напоминание о случившемся.

— Ах, что это было? — спросил Алиус, поднимаясь на ноги. Его голос дрожал, но в нём уже звучала привычная упрямость. — Я понятия не имею, но оно ушло, — ответил Бог, оглядываясь по сторонам, словно пытаясь уловить последние отголоски исчезнувшей силы.

— Я не ослышался? Он сказал, что ему нельзя использовать свои силы? И что за печать, о которой он говорил? — Алиус нахмурился, пытаясь осмыслить произошедшее. — Я правда не имею ни малейшего понятия, — признался Бог, и в его глазах мелькнуло нечто, похожее на страх. — Я всякое повидал, но тут случилось то, с чем мы ранее ещё не сталкивались. Возможно, нечто более древнее, чем я сам.

— Что за... — начал Алиус, но слова замерли на губах.

Он и Бог огляделись — и оба замерли в немом изумлении.

Пустошь, которая веками оставалась неизменной, превратилась в огромный зимний хвойный лес. Высокие ели, укутанные снежным покрывалом, стояли словно стражи древнего царства. Воздух наполнился свежестью морозного вечера, а с неба медленно опускались лёгкие снежинки, танцуя в лунном свете.

Полная луна сияла на небосводе, заливая всё вокруг холодным, серебристым светом. Тишина, нарушаемая лишь редким шелестом снега, казалась почти священной — как будто сама природа затаила дыхание, наблюдая за происходящим.

Алиус сделал шаг вперёд и протянул руку, чтобы поймать падающую снежинку. Она растаяла на ладони, оставив лишь каплю воды. Он замер, неотрывно глядя на неё.

Бог стоял рядом, вглядываясь в заснеженный пейзаж. Его взгляд скользил по заснеженным ветвям, мерцанию лунного света на сугробах, кружению снежинок в воздухе — словно пытался прочесть в этой внезапной трансформации ответ на все вопросы.

Они стояли вдвоём посреди нового мира, созданного в одно мгновение, — два могущественных существа, столкнувшиеся с чем-то, выходящим за пределы их понимания. Их плечи чуть опустились под тяжестью осознания, а взгляды оставались прикованными к этому чуду — зимнему лесу, выросшему из пустоты, как символ чего-то неизведанного, древнего и могущественного.

— Алиус... — беспокойно сказал Бог. — Да? — не смотря на вопрос, он, кажется, знал дальнейший приказ. — Срочно отправляйся в Архив Душ. Мы должны узнать, кто он такой. — Понял.

От лица Алиуса

Я сразу же принялся исполнять приказ, исчезнув в портале. В моей голове до сих пор не укладывается то, что мы сейчас видели.

Мы уже проверяли Зигфрида несколько раз. В нём никогда не было замечено чего-либо подозрительного — несмотря на его странную тёмную душу.

Шагая по коридорам Архива, в моей голове всплывал образ лица моего протеже. Его кроваво-алые глаза, наполненные пустотой, внушали страх — и не только мне. Ох... не хотелось бы мне согрешить. Но Бог тоже испытывал страх. Он прожил миллиарды лет, а сейчас был растерян.

Войдя в архив, я начал искать всех Зигфридов — благо их было немного. Одно из уникальнейших свойств данного архива в том, что даже если человек изменил своё имя или называет фальшивое, он будет числиться и под ним — с сохранением всей информации. Поэтому, скрыться невозможно.

— Этого не может быть...

Спустя время, я так и не нашёл ни одного подходящего, где в конце его истории написано «Последний человек». Все умерли ранее, либо попали под фиолетовое свечение. Тогда я обратился к единственному ангелу, который мог дать ответ.

— Главный Архивариус! — почти закричал я, врываясь к нему в кабинет.

За столом сидел седой старичок в золотой робе, с бородой по самый пол, и что то активно записывал. Увидев меня, он тепло улыбнулся.

— Малыш Али! Какими судьбами? Твоему ученику снова что то нужно? — Не совсем, — отрицательно мотнул я головой. — Мне нужно узнать, кто он такой.

Архивариус по доброму усмехнулся.

— А я всё думал, когда же вы заинтересуетесь, — он указал на книгу, лежащую на краю стола.

Только взглянув на неё, я уже почувствовал холодок по коже. Она была чёрной, как безлунная ночь, от неё исходила небольшая кровавая аура. Чем то она мне напоминала книгу Люцифера.

Я протянул к ней руку, но тут же одёрнул. Нутро подсказывало мне, что её трогать не стоит.

— Не бойся, Али. В ней нет ничего страшного, кроме ещё одной очень печальной жизни, — улыбка с лица старика спала.

«Видимо, он уже заглядывал в неё. А значит...»

Я протянул руки и открыл книгу. Мои глаза начали метаться по страницам.

«Тихое счастливое детство, песни у костра, счастливые моменты».

Но чем дальше я заходил, тем почерк в этой книге и её содержимое становились всё гнетущее.

«Рос без отца, рано познал смерть близких, первые проблемы в школе и общении со сверстниками, первая неразделённая любовь».

Буквы начали меняться, почерк становился более кривым.

«Издательства, травля, побои, плохая успеваемость, одиночество, замкнутость в себе».

С каждой новой страницей я всё больше боялся того, что увижу дальше.

«Любовь к музыке, аниме и играм, комплексы из за внешности...»

Моё сердце замерло, когда я перелистывал на следующую страницу. Ведь я приближался к концу.

«Смирение, надежда на последний шанс, настоящая любовь...»

У меня застрял ком в горле, а глаза расширились, когда я увидел последние две строчки:

«Разбитое сердце из за неразделённой любви и полное отчаяние». «Смерть личности».

Я не мог в это поверить, как и не мог понять последнюю фразу. Потому что на хронологии его жизни ему здесь было тринадцать лет. Но когда мы его встретили, ему было двадцать два года.

— Так что значит «Смерть Личности»? — я обратил свой взгляд на Архивариуса.

Старик устало вздохнул.

— То и значит, Алиус. Этот юноша поставил крест на своей жизни ещё задолго до встречи с вами. Смерть Личности — это почти то же самое, что и настоящая смерть. Человек существует, его сердце бьётся. Но сам он уже не живёт как прежде. Остаётся лишь бледная тень того, кем он когда то был. Поэтому, после этого момента в книге, уже нет никаких записей. —

Но как же так? Я искал хоть что то, что поможет узнать, откуда в нём такая тёмная сила. Но в ней нет ни слова про это.— Ох, парень. Ты уже столько лет ангел, а до сих пор не понял. Мы можем лишь посмотреть на человеческую душу, но заглянуть в неё мы не способны. Нам не дано понять, что находится внутри этих бедных сердец.

«Он прав. Но этот парень не показался мне таким. Он дерзкий, упрямый, во многом безумно изворотливый. Но и очень одинокий.»

Я вспомнил его взгляд, когда мы разговаривали по душам. Он старался не смотреть мне в глаза. Всё время он смотрел лишь вдаль и слегка улыбался. Но его улыбка была такой фальшивой. Будто он и сам не хотел улыбаться.

— Ладно. Спасибо вам, Архивариус, — я слегка поклонился.— Ой, да не за что. Если что, обращайтесь, — сказал он уже с привычной старческой улыбкой.

Портал открылся передо мной, и я шагнул в него, унося с собой тяжёлую правду. В голове крутились слова Архивариуса: *«Мы можем лишь посмотреть на человеческую душу...»*

Теперь я понимал, почему Зигфрид так отчаянно сражался, почему бросался в бой без оглядки, почему искал силу — он уже не видел смысла в жизни. Но что то в нём всё ещё сопротивлялось. Что то заставляло его идти вперёд, несмотря на «смерть личности». И именно это «что то» могло быть источником его тёмной силы.

Глава 7. «Сквозь вселенную, к судьбе.»

Я бродил ночью по тёмному зимнему лесу — словно призрак, лишённый памяти о том, как сюда попал. Но странное дело: ни малейшей тревоги не шевельнулось в душе. Всё вокруг было взаправду — от колючих еловых лап, припорошённых инеем, до хруста снега под ногами, — и в этой подлинности таилось нечто завораживающее.

Лес раскинулся бескрайним царством ночи. Деревья, укутанные в белоснежные мантии, стояли недвижно, будто древние стражи, хранящие тайны веков. Лунный свет просачивался сквозь кроны, рассыпая по снегу призрачные блики — то ли звёзды упали с неба, то ли сама земля светилась изнутри. Воздух был неподвижен, словно время здесь остановилось.

И всё же лес жил.

Сначала я услышал её — едва уловимую, почти призрачную мелодию. Она доносилась откуда то издалека, то пропадая, то вновь возникая, словно робкий шёпот ветра в ветвях. Флейта... Да, это была флейта — тонкий, прозрачный звук, который, казалось, рождался прямо из тишины.

Я замер, пытаюсь уловить направление. Мелодия была странной — ни весёлой, ни печальной. Она просто была, словно естественный голос этого леса. Каждый звук проникал в сознание, растворяя тревоги, разглаживая складки мыслей, как вода сглаживает острые края камней.

Я пошёл на звук. Снег беззвучно ложился под ноги, ветви не цеплялись за одежду — всё вокруг словно расступалось, позволяя мне следовать за этой музыкой. С каждым шагом мелодия становилась чуть отчётливее, но так и не обретала формы — она оставалась загадкой, манящей и успокаивающей одновременно.

В какой то момент я осознал, что дышу в такт этой музыке. Моё сердце билось в том же неспешном, гармоничном ритме. Время потеряло значение. Я перестал думать о том, кто я и как здесь оказался. Осталась только мелодия, только этот лес и странное, всепоглощающее чувство покоя.

А потом, когда флейта на мгновение смолкла, я увидел их.

Волков — их серые силуэты скользили между стволов, не прячась, не угрожая. Они двигались с царственной неторопливостью, будто знали что то, недоступное мне. Медведь, огромный и величественный, прошёл мимо, едва кивнув головой, словно приветствуя старого знакомого. В ветвях, перекликаясь тихими уханьями, сидели совы, а вороны, чёрные как смоль, наблюдали за мной с невозмутимым спокойствием.

На небольшой поляне, залитой лунным светом, разыгралась совсем иная сцена. Зайчик и лиса — два существа, которым природа предписала быть врагами, — резвились, словно дети. Они кружились в снежном вихре, то подпрыгивая, то падая в сугробы, то снова вскакивая, будто забыв о всякой вражде. Их движения были лёгкими, почти танцевальными, а взгляды — полными безмятежной радости. Когда они заметили меня, в их глазах не мелькнуло ни страха, ни настороженности. Лишь тихое любопытство, словно они знали: я не нарушу их мир.

Я стоял, заворожённый этим зрелищем, и вдруг осознал: я не чувствую холода. Ни малейшего дуновения ветра, ни колючего прикосновения снега к коже. Меня согревало нечто иное — глубокое, всепроникающее чувство покоя. Оно окутывало меня, как невидимый плащ, наполняя каждую клеточку тела тихим, блаженным умиротворением. Я никогда не испытывал ничего подобного. Это было не просто отсутствие тревоги — это было принятие. Принятие мира, себя, мгновения.

Время текло иначе. Может, прошли минуты, а может — часы. Я не знал. Не хотел знать. Здесь, в этом лесу, всё было просто и правильно.

Но вдруг...

Где то вдали, за плотной стеной деревьев, вспыхнул свет. Неяркий, почти призрачный, но он пробивался сквозь тьму, словно зовя меня. Я попытался разглядеть его источник, но едва успел сделать шаг — мир дрогнул. И я проснулся.

Но, как мне показалось, ничего не изменилось. Я по прежнему находился в том же лесу — призрачном, заснеженном, пронизанном лунным светом. Однако теперь рядом стоял Алиус, и это разом отсекало всякую надежду на сон. Его лицо, резкие черты, холодный взгляд — нет, такого я бы точно не пожелал увидеть в своих сновидениях.

— Ты наконец то очнулся, — произнёс он, и в голосе не было ни тревоги, ни облегчения — лишь сухая констатация. — С тобой всё... — он сделал паузу, словно подбирая слово, — в порядке?

— Алиус, почему мы в лесу? — спросил я, поднимаясь на ноги и оглядываясь.

Деревья стояли всё так же недвижно, снег мерцал под луной, но что то неуловимо изменилось. Воздух стал гуще, будто пропитанный предчувствием. Я втянул носом воздух — он был ледяным, с едва уловимым запахом хвои и чего то ещё, незнакомого, тревожного. Кожа покрылась мурашками, хотя я не чувствовал холода.

— Я и сам толком не знаю, — ответил он, хмуро всматриваясь в темноту. — Пустотень почему то изменилась.

Я встал, отряхнул снег с колен. Ладони слегка покалывало от холода, но я почти не замечал этого — всё внимание было приковано к окружающему миру. Каждая деталь казалась одновременно знакомой и чужой.

Его губы еле заметно дёрнулись, будто он хотел что то сказать, но в последний момент передумал. Вместо этого он протянул мне мою куртку.

— О, моя куртка! Я уже совсем позабыл о ней.

Быстро натянув её на себя, я еле заметно пощупал карман. Пальцы нащупали гладкий, чуть прохладный корпус телефона — он был на месте, лежал во внутреннем кармане под замком. Я выдохнул с облегчением.

«Значит, никто до него не добрался. Это хорошо.»

— Да, она всё таки была у Грэмиэль, — кивнул Алиус. — У неё есть некоторые наклонности. Она много чего взяла на Земле и не вернула. — Клептоманка? — Что то вроде того. Хотя она называет себя «Коллекционером». — И было ли среди этого что то ценное? — Абсолютно ничего.

Мы вели эту беседу с каменными лицами, а от последней фразы оба усмехнулись.

Но наш смех прервал сотрясающий снег с деревьев, голос Бога.

Из мерцающего портала вырвался Бог. Его одежда была в беспорядке, в глазах — непривычная для него тревога. Ветер, вырвавшийся из портала, взъерошил мои волосы, обдал порывом холодного воздуха. Пальцы невольно сжались, вспоминая ощущение телефона в кармане — жалкая попытка ухватиться за что то привычное.

А вместе с ним послышался тот самый хруст, который я слышал перед тем, как войти в пещеру. Звук был знакомым, почти домашним — и оттого ещё более пугающим.

«Оно уже здесь», — подумал я, чувствуя, как сотрясается Пустотень. Дрожь шла откуда то снизу, от корней деревьев, передаваясь через подошвы ботинок. Земля под ногами будто дышала — неровно, прерывисто.

— Наши опасения подтвердились, — выдохнул он. — Поле движется на Рай. Время пришло. — Итак... Началось! — сказал я так, будто командуя защитой замка при осаде. Голос прозвучал громче, чем я ожидал, — будто кто то другой говорил моими губами.

— Так, — Алиус шагнул ко мне, — вот твои вещи.

Он передал мне мою сумку с вещами, которую я собирал для путешествия. Кожаный ремешок был слегка потрёпанным, знакомым до боли — я провёл по нему пальцами, ощущая

каждую царапину. Внутри всё сжалось: там лежали мелочи, собранные за годы скитаний — бесполезные, но такие родные.

— А теперь расскажи, куда именно ты хочешь попасть?— Мне нужно в другую вселенную. Желательно — в самое её начало. А в качестве плана «Б» — способ самому перемещаться между мирами.— Сейчас только я могу перенести тебя, — сказал Бог, — и то сил хватит лишь на одну попытку. Других способов нет. Я никогда этого не делал, но уверен: это в один конец. Шансы на успех... низки.

Я сглотнул. Во рту пересохло. Ладони стали влажными, несмотря на холод. В голове крутилось: *«В один конец... Значит, обратного пути не будет. Ни прощаний, ни объяснений, ни шанса передумать»*. Но внутри, где то глубоко, поднималась волна решимости.— Этого хватит, — я сжал кулаки так, что ногти впились в ладони. Боль отрезвила. — Давайте.

Бог выставил руки вперёд. В воздухе, словно в тонком стекле, появилась трещина — едва заметная, почти невидимая. Она разрасталась, пульсируя, превращаясь в неровную щель, из которой сочился свет иного мира. Он был неярким, но пронизывающим — будто сам воздух за этой гранью был другим.

Постепенно она достигла размеров, достаточных, чтобы в неё можно было войти.— Итак, ты готов? — голос Бога звучал глухо, будто издалека.— Да.— Тогда удачи тебе.— Прощайте.

Я шагнул в эту щель в мироздании — и та сразу же закрылась. На мгновение я ощутил невесомость, будто падаю в бездну, а затем — резкий толчок, будто мир вокруг перестроился.

Алиус повернулся к Богу. В его взгляде читалась не только усталость, но и упрёк.

— Почему вы ему ничего не сказали? Та сущность же просила предупредить его. Бог медленно опустил руки. Его лицо казалось высеченным из камня — неподвижным, но полным невысказанной тяжести.

— Я долго думал об этом, — наконец произнёс он. — И решил, что лучшее предостережение — его отсутствие. Если он сам не знает... может, это и к лучшему. И, как ты сказал, в его книге души ответа не было.

— И что мы будем дальше делать? — спросил Алиус, голос его прозвучал тише, чем обычно.— Возвращаемся на положенное нам место.— Но там же это поле!— Да. Но мы должны там быть. Мы сделали всё, что могли.

Они вошли в портал — и оказались в Раю.

Через огромное окно в зале было видно, как фиолетовая волна медленно, неотвратимо накрывает сады, дворцы, деревья с золотыми листьями. Она двигалась с треском, но в этом и чувствовалась мощь, способная стереть саму суть бытия. Воздух наполнился гулом — низким, вибрирующим, будто сама реальность стонала под натиском.

Бог опустил на трон. Его взгляд был устремлён в окно, где последние отблески света растворялись в фиолетовой мгле.— Сейчас всё в твоих руках, пацан, — прошептал он.

Фиолетовая волна накрыла зал. Затем — весь Рай. Всю вселенную.

Не только эту — но и абсолютно все другие вселенные остановились в едином мгновении, словно время, пространство и сама мысль сковались в ледяном безмолвии.

Но это не был ещё не конец.

Бог неспешно открыл глаза и понял — он не умер и не исчез.

— Здравствуй, Отец.

Это был до боли знакомый для него голос. Бог окончательно пришёл в себя и заметил, где находится.

Вокруг него — сотни, нет, бесчисленные миллиарды силуэтов душ. И все они находятся за пределами мироздания. Не мертвы. И не живы. Они наблюдают за застывшей мультивселенной — в месте, что лежит за гранью жизни и смерти.

Воздух здесь был неподвижен, лишён каких либо запахов или ощущений. Ни тепла, ни холода — лишь абсолютная пустота, пронизанная тишиной, в которой каждый силуэт казался одновременно близким и бесконечно далёким.

А впереди стоит высокий мужчина лет тридцати. Его красные крылья невозможно было не узнать. — Люцифер... — Отец. Теперь ты здесь с нами, — произнёс тот, указывая на того, кто стоял рядом. — Михаил... — Здравствуй, отец, — отозвался второй.

Бог грустно улыбнулся. В груди защемило от вида своих детей — таких разных, но одинаково родных. — Мы давно не виделись, сыновья. Но можете рассказать, что здесь происходит? — Поле поглотило абсолютно всё. Теперь мы все здесь. Нас забрали даже с того света, — ответил Михаил.

Михаил был ростом со своего брата, за его спиной виднелись золотые крылья. Они не поворачивались лицом к Отцу — лишь наблюдали за застывшим мирозданием. В их позах читалась тяжесть веков, накопленная горечь и... надежда?

Бог провёл рукой по лицу, вытирая скупую слезу. — Есть ещё надежда. — На того парня? — рассмеялся Люцифер. В его смехе звучала горечь, а не радость. — Вы всё видели? — удивился Отец. — Ты даже не понимаешь, какое зло ты выпустил в мир, — разозлился демон. — О чём вы? — Он, или, лучше сказать, его душа — ошибка первозданной Тьмы и Божества, что создали мироздание, — выпалил демон. — Стоп. Откуда ты знаешь? — Бог был в замешательстве. — Отец, здесь, за пределами миров, была всего одна единственная душа, за которой мы все могли наблюдать — его. Тот парень соврал насчёт незнания своей сущности, — пояснил Люцифер.

Михаил продолжил, рассказывая про разговор Зигфрида с Тьмой в пещере и о ситуации с Божеством, что создало всё: — Вот оно как... Но я уверен на сто процентов, что он сдержит условия нашей сделки, — тихо произнёс Бог. — Прости, отец, но это пустяк по сравнению с тем, что случится, когда печать с его души рухнет, — вмешался Михаил. — Представь: опалённая огнём ненависти, боли и одиночества душа вырвется наружу. Мы не знаем, кто сумел победить божество. Но ему явно придётся считаться с этим парнем.

Люцифер шагнул ближе: — Сейчас, да, он слаб. Но время сейчас на его стороне. Сейчас он перемещается сквозь разлом. И когда он переместится, его печать может быть уже уничтожена. И случится то, чего не сможет предсказать ни один мудрец или оракул. Вплоть до уничтожения всего мироздания. Твои перезагрузки вселенной будут лишь пустым звуком на фоне того, что нас всех ждёт.

Отец встал подле сыновей. Он ощутил, как в нём борются две силы: вера в Зигфрида и страх перед неизвестностью. — Но ведь всё может закончиться и хорошо? — Никто не скажет точно. Как ты и сказал: «Всё в его руках», — заключил Михаил.

Мироздание было абсолютно пустым, накрытым фиолетовым полем. Тишина давила, словно тяжесть всех миров легла на плечи.

Как вдруг...

В один момент, в одной из точек мироздания, в одной из вселенных появился чёрный огонёк. Он дрожал, будто робкий росток, пробивающийся сквозь толщу тьмы. Но уже через мгновение огонёк вспыхнул, разросся, превратился в бушующий ураган чёрного пламени, сносящий всё фиолетовое поле. Будто открывая путь — узкий, извилистый, но всё же путь.

Языки пламени, чёрные и мерцающие, разрывали фиолетовую пелену, обнажая под ней проблески иных цветов — золотого, серебристого, лазурного. Казалось, сама ткань реальности трещала под натиском этой силы.

Теперь судьба единственного человека в мироздании разрушила конец других судеб и дала время на новое начало. И все лики душ, застывшие в вечности, теперь прикованы лишь к судьбе этой одной души. Взоры всех, кто был здесь, обратились к той точке, где бушевало чёрное пламя — к надежде, к угрозе, к неизвестности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.